

И.Ф. Нильский

**О перстосложении против
раскольников**

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1877. № 5-6. С. 676-736.*

О перстосложеніи противъ раскольниковъ: критико-библіографическій очеркъ

(„Бесѣды православнаго съ старообрядцемъ о перстосложеніи для крестнаго знаменія“. Кушневъ. 1876 г.).

Вопросу о перстосложеніи для крестнаго знаменія какъ-то особенно посчастливилось въ нашей противораскольнической литературѣ. Изъ множества полемическихъ сочиненій противъ раскола, появившихся въ теченіе свыше-двухсотлѣтняго его существованія, немного можно указать такихъ, въ которыхъ бы не было болѣе или менѣе подробной рѣчи и о перстосложеніи для крестнаго знаменія. Въ последнее время вопросъ этотъ подвергся особенно серьезной и тщательной разработкѣ. Не говоря о значительномъ числѣ мелкихъ статей и бѣглыхъ замѣтокъ по этому вопросу, появившихся въ наши дни въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ ¹⁾ и книгахъ ²⁾, въ недавнее время полемическая литература противъ раскола обогатилась, можно сказать, капитальными изслѣдованіями по вопросу о перстосложеніи для крестнаго знаменія. Опытъ библіографическаго изслѣдованія о двуперстїи, подъ заглавіемъ „о Теодоритовомъ словѣ“, священника московской параскевїевской церкви о. Іоанна Виногра-

¹⁾ Напр. въ «Нетпѣ», издаваемой въ Псковѣ единовѣрческимъ священникомъ Голубовымъ, и особенно въ «Братскомъ Словѣ», которое, къ глубокому сожалѣнію, уже прекратило свое полезное существованіе съ настоящаго года.

²⁾ Напр. въ «Бесѣдахъ» о. Твердынскаго и особенно въ «Воспоминаніяхъ, бесѣдахъ и иныхъ сочиненіяхъ о глаголемомъ старообрядствѣ» игумена Павла.

дова, рядъ обширныхъ и солидныхъ изслѣдованій по тому же вопросу, напечатанныхъ въ „Православномъ Собесѣдникѣ“ за 1869—70 гг., архимандрита (нынѣ епископа уфимскаго) Никанора, помѣщенный въ „*Братскомъ словѣ*“ за 1875 годъ замѣчательныя статьи: „правило Стоглава о двуперстїи съ исторической точки зрѣнія“ (кн. 1) преосвященнаго архіепископа литовскаго Макарія, и „два примѣчательныя свидѣтельства древности о перстосложеніи для крестнаго знаменія“ неизвѣстнаго автора (кн. 2), напечатанныя въ томъ же изданіи за прошлый годъ статьи: „заграничныя раскольническія изданія новѣйшаго времени“, въ которой неизвѣстный авторъ критически разсматриваетъ недавно изданное за границей, но написанное въ Москвѣ раскольническое сочиненіе подъ заглавіемъ: „Собраніе изъ разныхъ книгъ святоотеческаго писанія о сложеніи персть на крестное знаменіе“, и „замѣчанія на статью: краткое показаніе о важности символа, образуемаго двуперстнымъ сложеніемъ, и о клятвахъ и порицаніяхъ на оное, произнесенныхъ грекороссійской церковію“ — игумена Павла (кн. 1), — вотъ болѣе другихъ почтенныя изслѣдованія по вопросу о перстосложеніи для крестнаго знаменія, явившіяся въ послѣднее время.

Понять причину такого вниманія со стороны православныхъ писателей къ вопросу о перстосложеніи для крестнаго знаменія нетрудно. Во все время двухсотлѣтняго существованія раскола сложеніе перстовъ для крестнаго знаменія было, какъ и доселѣ остается, главнымъ предметомъ разногласія между старообрядцами и православною церковію. „Въ самое первое время возникновенія раскола, говоритъ авторъ одной изъ вышеуказанныхъ статей, ни одно изъ распоряженій церковной власти не вызвало такого ожесточеннаго противодѣйствія со стороны поборниковъ мнимой старины, какъ распоряженіе объ употребленіи всѣми православными троеперстнаго сложенія руки для изображенія на себѣ крестнаго знаменія. Сочиненія первыхъ расколоучителей наполнены нестерпимыми хулами на троеперстїе, въ которомъ они хотѣли видѣть соединеніе всѣхъ ересей. Инокъ Авраамій въ одномъ мѣстѣ своей челобитной царю Алек-

сѣю Михайловичу сдѣлалъ перечень (несовѣтъ еще полный) тѣхъ ересей, какими порицали тогда троеперстіе первоучители раскола: „И то, государь, писалъ онъ о сложеніи трехъ перстовъ, — ересь проклятая *Севинова и арменская*, и *Формосова*, папы еретика, тѣмъ мудрованіемъ ко Святой Троицѣ страсть прилагають (*богострастная*), *Диоскорова* со *Евтихіемъ* и *единовольниковъ* ересь тутъ сокрыта“ ¹⁾. Съ теченіемъ времени отношеніе ревнителѣй „древняго благочестія“, особенно принадлежащихъ къ безпоповщинскимъ толкамъ, къ православному перстосложенію для крестнаго знаменія сдѣлалось еще рѣзче. Не довольствуясь обозваніемъ троеперстія ересью, они провозгласили его печатью антихриста. Нужно ли прибавлять, что и въ наши дни раскольники всѣхъ вообще толковъ ничего такъ фанатически не отстаиваютъ и ничему не придаютъ такой догматической важности, какъ вопросу о перстосложеніи для крестнаго знаменія. „Въ 1867 году, пишетъ о. игумень Павелъ, случилось мнѣ разговаривать о перстосложеніи съ однимъ поморскимъ наставникомъ. Я спросилъ его: „за что отдѣляешься отъ церкви? какая главная сему вина“? Онъ отвѣчалъ: „троеперстіе“ ²⁾. „Знаменіе, которое положить на десной рукѣ подвластныхъ своихъ антихристъ, и есть ваша щепоть“, замѣтилъ раскольникъ о. Твердынскому ³⁾. Если же ученіе старообрядцевъ о сложеніи перстовъ для крестнаго знаменія составляетъ „главный“ догматъ раскола, изъ-за котораго по преимуществу они отдѣлились и доселѣ отдѣляются отъ церкви, то легко понять, почему православные писатели о расколѣ и противъ него всегда обращали на этотъ вопросъ особенное вниманіе.

Есть и еще обстоятельство, которое требуетъ отъ православныхъ писателей по расколу особеннаго вниманія къ вопросу о перстосложеніи для крестнаго знаменія. Кто слѣдилъ за нашимъ православнымъ простонародьемъ, тотъ не могъ не замѣтить, что и въ немъ употребленіе чтимаго старообрядцами двуперстія распространено до зна-

¹⁾ Бр. Слов. 1875 г. кн. 2, отд. 11, стр. 141—2.

²⁾ Воспом. и бесѣд., 1868 г. л. 64.

³⁾ Бесѣд. стр. 397; снес. Бес. игумена Павла 1871 г. стр. 255.

чительныхъ разбѣровъ. Не говоря уже о мѣстностяхъ, окруженныхъ и зараженныхъ расколомъ, гдѣ двуперстіе считается единственно правильнымъ перстосложеніемъ почти всеѣми православными низшихъ классовъ общества, — можно найти въ благословенной Россіи такіе уголки, гдѣ о расколѣ почти не слыхали и гдѣ однакоже двуперстіе не только употребляется, какъ правильное, но и преобладаетъ надъ троеперстіемъ. Даже въ средѣ городского населенія весьма нетрудно встрѣтить немало такихъ семействъ (купеческихъ и мѣщанскихъ), члены которыхъ никогда не принадлежали къ расколу, всегда были вѣрными чадами святой церкви, неуклонно исполняютъ все ея уставы и обряды и, не смотря однакоже на все это, молятся двуперстнымъ сложеніемъ. Считаемо излишнимъ говорить о томъ, что все эти лица, изображающія на себѣ крестное знаменіе двумя перстами, но „по всему прочему повинующіяся церкви“, какъ прежде считались, такъ и нынѣ считаются церковію вполне православными; но не можемъ не замѣтить, что эти православные двуперстники могутъ быть совращаемы и дѣйствительно совращаются въ расколъ легче, чѣмъ другія чада св. церкви. Употребляемое ими двуперстіе, въ которомъ старообрядцы полагаютъ всю спасительную силу крестнаго знаменія ¹⁾ и которымъ по преимуществу они издавна стараются „прельщать простой народъ“ ²⁾, служить нерѣдко для православныхъ двуперстниковъ переходною ступенью въ расколъ. А если такъ, то очевидно, что обстоятельное разъясненіе вопроса о перстосложеніи для крестнаго знаменія полезно и необходимо не только для старообрядцевъ — съ цѣлію примиренія ихъ съ церковію, но и для многихъ православныхъ — съ цѣлію удержанія ихъ отъ совращенія въ расколъ.

Наконецъ, нетрудно указать еще одно обстоятельство, которое можетъ объяснять появленіе въ свѣтъ изслѣдованій по вопросу о перстосложеніи для крестнаго знаменія даже такихъ ученыхъ писателей, каковы — преосвященные Макарій, Никаноръ и др. Вопросъ

¹⁾ Тверд. стр. 401.

²⁾ Полн. Собр. пост. и распор. по вѣд. прав. исповѣдан. т. 1, стр. 59.

объ употребляемомъ старообрядцами двуперстіи, неважный самъ по себѣ, весьма интересенъ по той, если можно выразиться, таинственности, въ какую облечено его первоначальное происхожденіе у насъ, а равно и по характеру историческихъ памятниковъ, съ которыми въ этомъ случаѣ приходится имѣть дѣло. Извѣстно, что споры о томъ, какими и сколькими перстами нужно изображать на себѣ крестное знаменіе, возникли у насъ задолго до появленія раскола—по меньшей мѣрѣ въ XV вѣкѣ. Извѣстно также, что съ того же времени началась у насъ передѣлка и порча сторонниками двуперстія памятниковъ древности, въ которыхъ они видѣли рѣчь о троеперстномъ перстосложеніи для крестнаго знаменія, вслѣдствіе чего нерѣдко одинъ и тотъ же историческій документъ, только по разнымъ спискамъ, является по содержанію несходнымъ до противорѣчія. Отыскать на основаніи такого рода данныхъ причину первоначальнаго появленія у насъ двуперстія, прослѣдить исторію борьбы его съ троеперстіемъ, и для этого критически опредѣлить достоинство не малаго числа памятниковъ XIV—XVII вѣковъ, относящихся къ этой борьбѣ, возстановивъ при этомъ первоначальную редакцію тѣхъ изъ нихъ, которые подверглись передѣлкѣ,—трудъ, по нашему мнѣнію, интересный и для ученаго человѣка. Какъ бы, впрочемъ, ни было, несомнѣнно одно: вопросъ о перстосложеніи для крестнаго знаменія имѣеть у насъ такую обширную литературу, какой не имѣеть ни одинъ изъ всѣхъ другихъ вопросовъ раскольничей догматики. Сочиненіе, заглавіе котораго мы указали въ началѣ, составляетъ новый вкладъ въ эту литературу. Насколько оцѣненъ этотъ вкладъ? На этотъ вопросъ мы отвѣтимъ послѣ, а теперь скажемъ нѣсколько словъ о тѣхъ особыхъ обстоятельствахъ, которыя послужили причиной появленія въ свѣтъ разсматриваемаго нами сочиненія.

Когда правленіе Кіевской академіи обратилось въ 1855 году съ просьбою къ преосвященнымъ тѣхъ епархій Кіевского учебнаго округа, въ которыхъ еще не были открыты при семинаріяхъ мисіонерскія отдѣленія для приготовленія дѣятелей противъ раскольниковъ, о сообщеніи свѣдѣній относительно удобства и необходимо-

сти открытія означенныхъ отдѣленій при семинаріяхъ, преосвященный кишиневскій сообщилъ правленію, что, имѣя въ виду число раскольниковъ, находящихся въ управляемой имъ епархіи, простирающееся до 10,232 душъ ¹⁾, опъ находитъ полезнымъ и необходимымъ имѣть отъ четырехъ до пяти миссіонеровъ для обращенія сихъ заблудшихъ, но что открытіе миссіонерскаго отдѣленія при кишиневской семинаріи представляется ему, по крайней мѣрѣ на сей разъ, несовсѣмъ удобнымъ потому, что въ 1855 году въ высшемъ отдѣленіи кишиневской семинаріи находилось только 39 воспитанниковъ, изъ коихъ 18 принадлежали другимъ епархіямъ, въ которыя они должны были возвратиться по окончаніи курса наукъ, 8 имѣли уже зачисленныя за собою священническія мѣста, а изъ остальныхъ немногихъ трудно было избрать способныхъ къ предположенной цѣли. Въ виду указанныхъ обстоятельствъ преосвященный выразилъ желаніе, чтобы нужное число миссіонеровъ для кишиневской епархіи было приготовлено въ другихъ семинаріяхъ, которыя гораздо многочисленнѣе кишиневской и гдѣ воспитанники, окончивъ курсъ наукъ, принуждены бывають долго дожидаться священническихъ мѣстъ, по недостатку ихъ. Св. Синодъ, которому донесено было объ этомъ, опредѣленіемъ ^{17/21} августа 1855 г. положилъ: „епархіа кишиневская можетъ быть снабжаема, по сношенію съ мѣстнымъ преосвященнымъ и по мѣрѣ надобности, воспитанниками другихъ, болѣе многочисленныхъ семинарій, каковы въ кievскомъ округѣ орловская и курская, для чего можетъ быть и увеличено въ тѣхъ семинаріяхъ число учениковъ, приготовляющихся къ успешному дѣйствованію на раскольниковъ“ ²⁾. Мы не знаемъ, какъ

¹⁾ Въ 23 № Кишин. епарх. вѣдом. за 1872 годъ, стр. 760, сказано, что въ Бессарабіи считается до 10,000 старообрядцевъ, и въ одномъ Кишиневѣ поповцевъ австрійскаго священства до 1500 душъ; а въ 19 № за 1874 г., стр. 732, говорится, что по статистическимъ даннымъ за 1870 г. въ Кишиневѣ—безпоповцевъ 337 душъ обоюго пола, поповцевъ 3559, а число всѣхъ раскольниковъ живущихъ въ Бессарабіи, превышаетъ девять тысячъ, и именно, поповцевъ 6366, безпоповцевъ 2792.

²⁾ Собор. постан. по части раск., 1860 г. кн. 2, стр. 633—8.

приводилось въ исполненіе это опредѣленіе Св. Синода; но, судя по тому, что въ 1857 году кишиневское епархіальное начальство поручило одному изъ кишиневскихъ протоіереевъ сблизиться съ бессарабскими раскольниками и устроить въ Кишиневѣ собесѣдованіе съ ними, можно думать, что желаніе преосвященнаго кишиневского имѣть у себя отъ четырехъ до пяти миссіонеровъ изъ воспитанниковъ другихъ семинарій такъ и оставалось желаніемъ, хотя предполагавшіяся собесѣдованія съ раскольниками и были открыты и даже „шли довольно успѣшно“. Къ сожалѣнію, спустя два года со времени учрежденія ихъ, „вслѣдствіе нѣкоторыхъ обстоятельствъ“, они прекратились, и затѣмъ до 1871 года въ кишиневской епархіи не было предпринимаяемо со стороны епархіальнаго начальства никакихъ особыхъ мѣръ къ обращенію раскольниковъ ¹⁾, а духовенство этой епархіи, вслѣдствіе малаго знакомства съ ученіемъ о расколѣ, „держало себя въ отчужденіи“ по отношенію къ заблуждающимъ; многіе изъ священниковъ, и притомъ „весьма дѣльные“, постушивши на приходы, зараженные расколомъ, или „вовсе бездѣйствовали, или, считая свое положеніе среди раскольниковъ недовгимъ, перемѣщались на другія мѣста“ ²⁾. Между тѣмъ расколъ въ кишиневской епархіи болѣе и болѣе увеличивался, благодаря географическому положенію Бессарабіи—удаленности ея отъ центра Россіи, гдѣ правительственный надзоръ за раскольниками, сравнительно, бдительнѣе, и близости ея къ иностранной границѣ, дававшей раскольникамъ возможность, въ случаѣ опасности, уйти за предѣлы Россіи и освободиться отъ всякихъ преслѣдованій ³⁾, а равно—особымъ привилегіямъ, которыми пользовался этотъ край, напр. отсутствію въ Бессарабіи, до 1874 года, воинскій повинности ⁴⁾. Въ 1871 году, по смерти преосв. Антонія, назначенъ былъ на кишиневскую кафедру новый архипастыръ, бывшій викарій с.-пе-

1) Кишин. еп. вѣдом. 1874 г. № 19, стр. 733.

2) Тамъ же, 1872 г. № 23, стр. 760.

3) Тамъ же, 1874 г. № 19, стр. 731—2.

4) Тамъ же, 1876 г. № 16, стр. 591—2.

тербуржской епархіи, преосвященный Павелъ, епископъ ладожскій. Вступивши въ управление кишиневскою епархіей и ознакомившись по возможности съ ея состояніемъ и дѣлами, преосв. Павелъ, по его собственнымъ словамъ, нашель, что въ ней „возникло, но еще не рѣшено немало вопросовъ первостепенной важности какъ для духовенства, такъ и для всей его паствы“. Въ числѣ этихъ вопросовъ, обсужденіе которыхъ преосвященный предложилъ подчиненному ему духовенству, въ воззваніи отъ 26 октября 1871 года, мы находимъ (подъ 7 §), между прочимъ и слѣдующій: „желательно было бы открыть миссіонерскій классъ для обстоятельнаго ознакомленія будущихъ священнослужителей съ русскимъ расколомъ“. Обсужденіе этого предположенія предлагалось обще-епархіальному съѣзду духовенства, очевидно, въ силу новаго семинарскаго устава, которымъ (§ 129) преподаваніе въ семинаріяхъ ученія о русскомъ расколѣ поставлено въ зависимость отъ „мѣстныхъ потребностей“ каждой епархіи и слѣдовательно—на средства мѣстнаго духовенства. Намъ не извѣстно, какъ отнеслось духовенство кишиневской епархіи къ указанному желанію преосвященнаго; но мы знаемъ, что самъ онъ, не дожидая рѣшенія этого вопроса съѣздомъ духовенства, немедленно вошелъ въ Св. Синодъ съ ходатайствомъ о разрѣшеніи открыть въ кишиневской семинаріи миссіонерскій классъ, для преподаванія ученикамъ 5 и 6 классовъ ученія о расколѣ. Ходатайство преосвященнаго было уважено Св. Синодомъ, но съ тѣмъ, чтобы занятіе расколомъ предоставлено было добровольному желанію и усердію самихъ воспитанниковъ, не будучи для всѣхъ ихъ обязательнымъ, и чтобы для вознагражденія наставника этого предмета изысканы были средства изъ мѣстныхъ епархіальныхъ суммъ. Имѣя въ виду, что обще-епархіальный съѣздъ духовенства, который долженъ былъ изыскать эти средства, соберется не раньше мая 1873 года, преосвященный, чтобы не замедлить началомъ столь важнаго дѣла, рѣшился открыть и дѣйствительно открылъ миссіонерскій классъ по расколу съ начала учебнаго 1872/73 года, на свои собственные средства 1),—

1) Кишин. еп. вѣд. 1872 г. № 21, стр. 656—9.

примѣръ, сколько рѣдкій, столькоже достойный подражанія. Открывая этотъ классъ, преосвященный, по словамъ мѣстныхъ вѣдомостей, выразилъ пламенное свое желаніе завести при семинаріи и публичныя бесѣды съ старообрядцами, „чтобы такимъ образомъ преподаваніе ученія о расколѣ не ограничивалось одними классными уроками, но переходило въ практику, въ самую жизнь“ ¹⁾. Чтобы лучше поставить это нелегкое дѣло и вообще чтобы успѣшнѣе дѣйствовать на раскольниковъ, преосвященный еще 30 декабря 1871 года обратился съ просьбой о помощи къ извѣстному о. игумену Павлу Прусскому. Планъ преосвященнаго, изложенный имъ въ письмахъ къ настоятелю московскаго единовѣрческаго монастыря, состоялъ въ слѣдующемъ: преосвященный просилъ о. игумена избрать и командировать въ его распоряженіе одного благонадежнаго іеромонаха изъ принадлежавшихъ прежде къ австрійской поповщинѣ — и еще лучше — изъ бывшихъ бѣлокриницкихъ монаховъ, — съ тѣмъ, чтобы онъ, поселившись въ той части Кишинева, въ которой проживаетъ много раскольниковъ, и получая все необходимое для содержанія изъ мѣстныхъ средствъ, вступилъ съ старообрядцами въ сношеніе и словомъ убѣжденія располагалъ ихъ къ принятію православія на началахъ единовѣрія; въ случаѣ успѣха этотъ іеромонахъ могъ бы или самъ сдѣлаться настоятелемъ единовѣрческаго прихода, или указать благонадежное для этого поста лице; но главная цѣль, съ которою преосвященный просилъ у о. Павла благонадежнаго іеромонаха, состояла въ томъ, чтобы при помощи человѣка, вышедшаго изъ среды раскола и, слѣдовательно, хорошо знающаго его, знакомаго съ вопросами, занимающими современныхъ старообрядцевъ, съ ихъ логикой, приемами ихъ словопреній и пр., открыть при семинаріи публичныя бесѣды съ раскольниками и тѣмъ дать воспитанникамъ, изучающимъ расколъ, возможность практически готовиться къ будущей борьбѣ съ нимъ. Не получая долго отвѣта на свое письмо, преосвященный кишиневскій 16 февраля 1872 года года написалъ о. игумену

¹⁾ Киш. еп. вѣд. 1875 г. № 19, стр. 718—19.

Павлу новое письмо, въ которомъ говорилъ, между прочимъ, слѣдующее: „нужда въ добромъ іеромонахѣ или священникѣ единобѣрческомъ настоятельна въ Кишиневѣ. Недалыне какъ вчера, приходило ко мнѣ нѣсколько старообрядцевъ съ самою настойчивою, слезною просьбою призвать имъ добраго единобѣрческаго священнослужителя, и заявили мнѣ, что безъ особеннаго труда и усилій можетъ совершиться весьма значительное присоединеніе старообрядцевъ кишиневскихъ... Нужно пользоваться доброй минутой, чтобы, потерявши ее, не погубить на вѣки тысячи душъ“¹⁾. Къ сожалѣнію, переписка преосвященнаго Павла съ о. игуменомъ Никольскаго единобѣрческаго монастыря, бывшимъ въ это время въ отлучкѣ (въ псковской и литовской епархіяхъ), имѣвшая главную цѣлію—пріобрѣсти опытнаго и способнаго человѣка для собесѣдованій съ раскольниками, не увѣнчалась успѣхомъ²⁾. Уже только въ 1874 году, когда прибылъ въ Кишиневъ теперешній настоятель единобѣрческаго прихода въ Кишиневѣ, о. Григорій Милкинъ, ученикъ о. Павла Прусскаго, обладающій, по словамъ редакціи кишиневскихъ епархіальныхъ вѣдомостей, значительною начитанностію, усвоившій диалектическіе приемы своего учителя въ преніяхъ съ старообрядцами и владѣющій хорошимъ даромъ слова³⁾, настойчивая заботливость преосвященнаго объ открытіи при семинаріи публичныхъ бесѣдъ съ старообрядцами могла осуществиться если не съ полною надеждою на успѣхъ, такъ по крайней мѣрѣ безъ опасенія выслушать со стороны старообрядцевъ такое возраженіе, на которое человѣкъ, неполнѣ знакомый съ современнымъ расколомъ, пожалуй, и не найдетъ что отвѣтить. И дѣйствительно 5 октября 1875 года, въ 5 часовъ по полудни, бесѣды эти были открыты, при личномъ участіи преосвященнаго Павла, сказавшаго предъ началомъ бесѣды рѣчь, въ

1) Кишн. еп. вѣд. 1872 г., № 23, стр. 761—2.

2) Тамъ же, стр. 766.

3) Тамъ же 1875 г. № 19, стр. 712. — Судя по напечатаннымъ въ Кишиневскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ (1875 г. №№ 15, 16, 18 и 21) бесѣдамъ о. Милкина, которыя онъ велъ съ старообрядцами и въ самомъ Кишиневѣ и внѣ его, можно вполне согласиться съ этимъ отзывомъ о немъ редакціи.

которой архипастыръ объяснилъ цѣль открывающихся собесѣдованій и которую заключилъ слѣдующими словами: „свои собесѣдованія мы открываемъ при счастливыхъ предзнаменованіяхъ. Сегодня св. церковь воспоминаетъ трехъ великихъ святителей всероссійскихъ — святыхъ митрополитовъ Петра, Алексія и Іону, первосвятительствовавшихъ въ церкви русской въ то время, когда не было въ ней раздора и разъединенія, когда всѣ сыны Россіи составляли единую церковь русскую. Конечно, съ любовію взирають они съ небесъ на благое предпріятіе наше и не престають молить Господа объ успѣхѣхъ его. Начнемъ же съ благословеніемъ Божиимъ и великихъ угодниковъ Господнихъ свою бесѣду“¹⁾. Мы не будемъ говорить о томъ, какъ отнеслось къ открытію бесѣдъ кишиневское общество, православное и даже старообрядческое; по словамъ мѣстныхъ епархіальныхъ вѣдомостей, на первую бесѣду явилось столько посѣтителей, что семинарская зала, буквально, была наполнена ими; и что всего замѣчательнѣе: въ числѣ посѣтителей было значительное число не только православныхъ, — и притомъ какъ низшихъ, такъ и высшихъ классовъ общества, — но даже и старообрядцевъ, какъ поповцевъ, такъ и безпоповцевъ, которые, какъ извѣстно, не всегда и не вездѣ охотно являются на публичныя собесѣдованія о вѣрѣ съ православными; что же касается дальнѣйшихъ бесѣдъ, то на нихъ, кромѣ множества православныхъ и старообрядцевъ, стали приходять даже начетчики расколыническіе²⁾, которые обыкновенно въ другихъ мѣстахъ являються на публичныя бесѣды съ православными не иначе, какъ по требованію полиціи. Открытыя при кишиневской семинаріи бесѣды съ старообрядцами, по словамъ мѣстныхъ епархіальныхъ вѣдомостей, продолжаютъ регулярно по воскреснымъ днямъ³⁾. Кромѣ преосвященнаго, который неопустительно посѣщаетъ каждую бесѣду и самъ выясняетъ старообрядцамъ неправильность ихъ мнѣній, а равно отвѣчаетъ на ихъ возраженія⁴⁾, а иногда даже одинъ исключительно

1) Кишин. еп. вѣд. 1875 г. № 19, стр. 715.

2) Тамъ же 1876 г. № 3, стр. 112.

3) Тамъ же 1875 г. № 23, стр. 887; снес. 1876 г. № 21, стр. 826.

4) Тамъ же 1875 г. № 21, стр. 788.

ведеть цѣлую бесѣду, продолжающуюся не меньше трехъ часовъ ¹⁾, со стороны православныхъ въ веденіи бесѣдъ принимаютъ участіе: преподаватель ученія о русскомъ старообрядствѣ при кишиневской семинаріи г. Пархомовичъ и священникъ кишиневской единовѣрческой церкви о. Григорій Милкинъ. Со стороны старообрядцевъ главнымъ собесѣдникомъ бываетъ нѣкто Малинниковъ, представитель такъ называемаго австрійскаго согласія ²⁾. Что касается вопросовъ, которые, по обоюдному согласію православныхъ и старообрядцевъ, разсматривались и разсматриваются на этихъ бесѣдахъ, то въ 1875 году по преимуществу велись бесѣды объ обрядовыхъ особенностяхъ, которыми расколъ отличается отъ православія ³⁾, а въ началѣ 1876 года приступлено къ разсмотрѣнію вопроса: „составляло ли общество поповцевъ, со времени отдѣленія ихъ отъ православной русской церкви до учрежденія австрійской іерархіи, церковь,“ ⁴⁾. Нужно ли прибавлять, что и на кишиневскихъ бесѣдахъ мѣстные старообрядцы, по примѣру другихъ своихъ братій, изъ всѣхъ обрядовыхъ особенностей, отличающихъ ихъ отъ православныхъ, вопросу о перстосложеніи для крестнаго знаменія и благословенія старались придать особенное значеніе и постоянно выдвигали его на первый планъ. „На бесѣдахъ съ старообрядцами объ обрядахъ, читаемъ въ Кишиневскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ ⁵⁾, нельзя было не замѣтить, что двуперстіе для старообрядцевъ особенно дорого; ни одинъ обрядъ не отстаивали они съ такимъ жаромъ, какъ двуперстіе. Съ другой стороны, нельзя было не замѣтить непріязненнаго отношенія нѣкоторыхъ старообрядцевъ къ троеперстію: троеперстнаго сложенія они не показывали правой рукой, а лѣвой... Не проходило ни одной бесѣды безъ того, чтобы этотъ вопросъ не былъ затронутъ старообрядцами“. Въ виду такого отношенія къ вопросу о сложеніи перстовъ для крестнаго знаменія кишиневскихъ

¹⁾ Киш. еп. вѣд. 1876 г. № 3, стр. 113.

²⁾ Тамъ же 1875 г. № 18, стр. 668—9.

³⁾ Тамъ же 1875 г. № 23, стр. 887.

⁴⁾ Тамъ же 1876 г. № 3, стр. 113.

⁵⁾ Тамъ же 1876 г. № 3, стр. 112—113.

старообрядцевъ, естественно было ожидать, что и защитники православія обратятъ на него самое серьезное вниманіе. Такъ дѣйствительно и случилось. Не ограничиваясь двумя бесѣдами (7 и 14 декабря), посвященными разсмотрѣнію этого вопроса въ 1875 году, они, по предварительному соглашенію съ старообрядцами, начали бесѣдой о томъ же предметѣ (11 января) и 1876 годъ ¹⁾. Вотъ эти-то публичныя бесѣды о перстосложеніи для крестнаго знаменія, происходившія въ залѣ кишиневской семинаріи и затѣмъ записанныя ²⁾ и напечатанныя въ 5—11 № кишиневскихъ епархіальныхъ вѣдомостей за 1876 годъ, а впослѣдствіи изданныя отдѣльно, и составляютъ ту книжку, о которой мы намѣрены сказать нѣсколько словъ. Что же можно сказать объ этомъ новомъ произведеніи по вопросу о перстосложеніи для крестнаго знаменія, уже имѣющему, какъ мы видѣли, обширную литературу?

„Бесѣды православнаго съ старообрядцемъ о перстосложеніи для крестнаго знаменія“ состоятъ изъ семи отдѣльныхъ бесѣдъ. Въ первой бесѣдѣ на вопросъ старообрядца: на какомъ основаніи православные изображаютъ на себѣ крестное знаменіе тремя перстами, неизвѣстный авторъ, послѣ замѣчанія о томъ, что апостолы не оставили никакого правила о перстосложеніи, и разныхъ соображеній въ пользу той мысли, что употребляемое православными троеперстіе есть неписанное апостольское преданіе, приводитъ письменныя свидѣтельства въ пользу троеперстія разныхъ отцевъ и писателей греческой церкви: св. Кирилла Іерусалимскаго, св. Мелетія Антиохійскаго, Никифора Панагіота, иподіакона Дамаскина, Христофора ангела и Мелетія, патріарха Александрійскаго; во второй бесѣдѣ доказывается употребленіе троеперстія въ русской церкви свидѣтельствами: Макарьевскихъ Четь-минеи, житія преподобнаго Александра Ошевенскаго, иностранцевъ Петрея и Оларія, Посошкова

1) Кнш. еп. вѣд. 1876 г. № 3, стр. 111.

2) Впрочемъ, насколько точно разсматриваемыя нами «Бесѣды» воспроизводятъ происходившія въ Кишиневѣ публичныя собесѣдованія съ старообрядцами, изъ «Бесѣдъ» не видно, какъ не видно и того, кому главнымъ образомъ изъ трехъ защитниковъ православія принадлежитъ окончательная редакція ихъ.

и уважаемыхъ старообрядцами книгъ: Служебника, изданнаго въ Москвѣ въ 1646 году, Большаго Катихизиса 1627 года, Малаго Катихизиса, напечатаннаго въ Киевопечерской лаврѣ въ 1645 году, Православнаго Исповѣданія Петра Могилы, рассмотрѣннаго и одобреннаго соборами Киевскимъ и Яскимъ въ 1643 году, а вскорѣ затѣмъ и всеми восточными патріархами; въ этой же бесѣдѣ приведены въ пользу троеперстія свидѣтельства отъ древнихъ иконъ церкви греческой и русской, отъ мощей русскихъ подвижниковъ, древнихъ грамотъ и другихъ изображеній, и опредѣленіе о троеперстіи Московскаго собора 1667 года, причемъ рассмотрѣны и возраженія старообрядцевъ противъ этого опредѣленія; въ третьей бесѣдѣ представленъ разборъ свидѣтельствъ о двуперстіи, находящихся въ напечатанныхъ при первыхъ пяти патріархахъ книгахъ, именно: въ Большомъ Катихизисѣ, въ псалтиряхъ слѣдованныхъ и учебныхъ, въ Книгѣ Кирилловой, въ Маломъ Катихизисѣ и въ Книгѣ о вѣрѣ; здѣсь же разсматривается и разбирается и опредѣленіе о двуперстіи Стоглаваго собора, а равно свидѣтельство о двуперстіи, находящееся въ чинѣ принятія Хвалисянъ; четвертая бесѣда посвящена рассмотрѣнію такъ называемаго слова Феодоритова; пятая — разбору свидѣтельства Мелетіева, шестая — оцѣнкѣ приводимыхъ раскольниками въ пользу двуперстія свидѣтельствъ Петра Дамакина и Максима Грека и опроверженію мнѣнія раскольниковъ, будто бы троеперстнымъ сложеніемъ для крестнаго знаменія выражается ученіе о распятіи на крестѣ Св. Троицы. Въ седьмой и послѣдней бесѣдѣ объясняется, почему нѣкоторые православные писатели о расколѣ употребляли рѣзкія, или, по выраженію старообрядцевъ, „жестокословныя“ выраженія о двуперстіи.

Изъ этого краткаго изложенія содержанія „Бесѣдъ православнаго съ старообрядцемъ о перстосложеніи для крестнаго знаменія“ видно, что если смотрѣть на разбираемую нами книжку со стороны фактической, т. е. тѣхъ историческихъ данныхъ, которыми авторъ доказываетъ правильность и древность троеперстія, и тѣхъ основаній, на которыхъ старообрядцы утверждаютъ свое ученіе о

двуперстіи и разборъ которыхъ представленъ въ „Бесѣдахъ“, то приходится сказать, что въ ней нѣтъ почти ничего новаго, сравнительно съ тѣмъ, что читатель можетъ найти въ прежде изданныхъ сочиненіяхъ по этому вопросу и особенно въ тѣхъ новѣйшихъ изслѣдованіяхъ по вопросу о перстосложеніи для крестнаго знаменія, которыя указаны, какъ пособія, на 1-й, 62-й и 64-й страницахъ „Бесѣдъ“ — въ примѣчаніи; мало этого: на нѣкоторыхъ страницахъ „Бесѣдъ“ мы встрѣчаемъ мысли и даже выраженія почти буквально сходныя съ мыслями и выраженіями вышеуказанныхъ обширныхъ статей преосвященнаго Никанора ¹⁾; тѣмъ не менѣе тотъ сказалъ бы положительную неправду, кто сталъ бы утверждать, что „Бесѣды православнаго съ старообрядцемъ“ суть не болѣе, какъ удачная компиляція, составленная на основаніи тѣхъ источниковъ, которыми авторъ несомнѣнно пользовался при написаніи своего труда и которые онъ указываетъ въ примѣчаніяхъ. Историческія данныя по вопросу о перстосложеніи для крестнаго знаменія, находящіяся въ „Бесѣдахъ“, извѣстны были и прежде и не заключаютъ въ себѣ ничего новаго для человѣка, знакомаго съ литературой по этому вопросу; но въ группировкѣ этихъ данныхъ, особенно же въ ихъ освѣщеніи и объясненіи, а равно и въ выводахъ изъ нихъ. „Бесѣды“ представляютъ не мало новаго, самостоятельнаго, оригинальнаго и иногда весьма остроумнаго, что дѣлаетъ „Бесѣды“ не только не лишнимъ вкладомъ въ полемическую противъ раскола литературу, но и произведеніемъ, заслуживающимъ полнаго вниманія каждаго, кто интересуется расколомъ. Укажемъ нѣсколько примѣровъ въ подтвержденіе нашихъ словъ.

Такъ, напр., на основаніи извѣстныхъ словъ св. Кирилла Іерусалимскаго: „да изображаемъ *перстами* (*δαχτολοις*) знаменіе креста на челѣ и на всемѣ“, авторъ „Бесѣдъ“ не только утверждаетъ, что св. отецъ заповѣдывалъ троеперстіе, а не другое какое либо перстосложеніе, но и находитъ совершенно естественнымъ пред-

¹⁾ Сравни. напр. «Бесѣд.» стр. 23—9 съ Прав. Собес. 1870 г. ч. 1, стр. 54—60, 234—9, ч. 3, стр. 339 и далѣе.

положить, что іерусалимская церковь со временъ апостольскихъ крестилась именно трехперстно.

«Для христіанъ изъ язычниковъ, говоритъ авторъ, и для церквей, основанныхъ въ предѣлахъ міра языческаго, первымъ догматомъ христіанскимъ, отличавшимъ ихъ отъ язычниковъ-многобожниковъ, былъ догматъ о единомъ Богѣ, и потому, весьма естественно, христіане изъ язычниковъ, какъ мы видѣли изъ свидѣтельствъ Златоуста, Іеронима и др., употребляли для крестнаго знаменія одинъ перстъ, выражая тѣмъ вѣру свою въ Бога единого. Для христіанъ же изъ іудеевъ, издавна, еще въ іудействѣ, вѣровавшихъ въ Бога единого, догматомъ, наиболѣе отличавшимъ ихъ отъ іудеевъ, не принявшихъ христіанства, долженствовалъ быть первый, главнѣйшій, отличительнѣйшій догматъ христіанскій, догматъ о Св. Троицѣ, и потому весьма естественно, что въ Іерусалимѣ, въ Палестинѣ употребляли для крестнаго знаменія троеперстіе, выражая этимъ перстосложеніемъ вѣру свою въ Тріупостаснаго Бога—Отца и Сына и Св. Духа, во имя Котораго они и въ таинствѣ крещенія крестились. Потому въ свидѣтельствѣ св. Кирилла не иное перстосложеніе можно и должно видѣть, какъ именно троеперстіе» (стр. 7).

Точно также изъ того обстоятельства, что христіане въ глубокой древности (не позже IV вѣка) употребляли, какъ показываютъ письменные памятники, различныя перстосложенія для крестнаго знаменія, авторъ „Бесѣдъ“ выводитъ предположеніе, что апостолы предали не одно, а нѣсколько перстосложеній, выражавшихъ нѣсколько важнѣйшихъ тайнъ нашей божественной вѣры, предоставивъ церквамъ право употреблять то перстосложеніе, — одноперстіе напр., или троеперстіе, — которое по мѣстнымъ обстоятельствамъ окажется наилучшимъ и благопотребнѣйшимъ для блага той или другой церкви.

«Трудно, даже едва ли возможно допустить, замѣчаетъ нашъ авторъ, чтобы первенствующіе христіане могли позволить себѣ произволъ въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ перстосложеніе для крестнаго знаменія, и употреблять по своему усмотрѣнію нѣсколько различныхъ перстосложеній, если бы отъ апостоловъ предано было одно какое-либо перстосложеніе» (стр. 9).

А на томъ основаніи, что, по письменнымъ памятникамъ, въ древности же нѣкоторые православные (въ Сиріи) крестились двумя

перстами, авторъ находитъ „весьма возможнымъ“ предположеніе, что наряду съ одноперстіемъ, указывавшимъ на единство Божества, и троеперстіемъ, указывавшимъ на Св. Троицу, апостолами предано было и двуперстіе, указывавшее на два естества—божеское и чело-вѣческое—въ единомъ Лицѣ Богочеловѣка Іисуса Христа. Такимъ образомъ высказанную впервые преосвященнымъ Макаріемъ ¹⁾ мысль о томъ, что апостолы не заповѣдали христіанамъ одного опредѣ-леннаго перстосложенія для крестнаго знаменія, авторъ „Бесѣдъ“ усиливаетъ, предполагая, что не только троеперстіе, но и одно-перстіе и даже двуперстіе, издревле употреблявшіяся въ христіан-ской церкви, составляютъ преданіе отъ апостоловъ.

Если же такъ,—если можно думать, что и одноперстіе и трое-перстіе и даже двуперстіе преданы (хотя и неписанно) апостолами, то почему же нынѣ церковь заповѣдуетъ употреблять, при совер-шеніи крестнаго знаменія, исключительно троеперстіе и запрещаетъ употребленіе двуперстія? На этотъ, весьма естественный со стороны старообрядцевъ, вопросъ авторъ отвѣчаетъ слѣдующее. Сказавъ, что, по письменнымъ памятникамъ, одноперстіе мы встрѣчаемъ сначала у православныхъ христіанъ, выражавшихъ имъ вѣру въ единого Бога, и потомъ у монофизитовъ и моноелитовъ, выражавшихъ одно-перстіемъ еретическую мысль, что во Христѣ не только единая упостась (лице), но и единое естество и единая воля, троеперстіе же встрѣчаемъ исключительно у православныхъ христіанъ, выражавшихъ и выражающихъ имъ вѣру въ Св. Троицу, а двуперстіе мы встрѣ-чаемъ въ первый разъ у православныхъ Сиріи и у сирійскихъ же несторіанъ, изъ коихъ послѣдніе учили и учатъ, что во Христѣ не только два естества, но и два лица, авторъ замѣчаетъ:

«Послѣ того, какъ одноперстіе сдѣлалось символомъ монофизитства и моноелитства, вслѣдствіе употребленія его при крестномъ знаменіи вышеозначенными еретиками, а двуперстіе сдѣлалось символомъ несто-ріанства, православная Церковь заповѣдуетъ чадамъ своимъ употреб-лять при совершеніи крестнаго знаменія исключительно троеперстіе,

¹⁾ Братск. Слов. 1875 г. кн. I, отд. II, стр. 32.

какъ перстосложеніе всегда исключительно употреблявшееся православными христіанами» (стр. 10 и 11).

Нельзя не сознаться, что нѣкоторыя изъ вышеизложенныхъ соображеній автора „Бесѣдъ“ суть не болѣе, какъ предположенія и притомъ не только новыя, но даже и очень смѣлыя; тѣмъ не менѣе въ нихъ нѣтъ ничего неправдоподобнаго, или невѣроятнаго, напротивъ, многія изъ нихъ опираются на несомнѣнныя историческія данныя и естественно вытекаютъ изъ нихъ.

Но особенно много новыхъ соображеній высказано авторомъ „Бесѣдъ“ въ разборѣ опредѣленія Стоглаваго собора о двуперстіи, такъ называемаго Феодоритова слова и свидѣтельства Мелегіева, на которыя старообрядцы ссылаются въ подтвержденіе своего двуперстія.

Говоря объ опредѣленіи Стоглаваго собора, авторъ замѣчаетъ, что если внимательно разобрать 31 главу Стоглава, въ которой излагается ученіе о перстосложеніи для крестнаго знаменія и благословенія, то въ ней окажется много такого, съ чѣмъ сами старообрядцы не согласятся, какъ съ неправильнымъ, даже какъ съ еретическимъ, и что, во всякомъ случаѣ, весьма запутанно и крайне неосновательно, и затѣмъ подробнымъ разборомъ этой главы подтверждаетъ справедливость такого отзыва о ней, доказывая, что Стоглавъ 1) проповѣдуетъ не то двуперстіе, котораго держатся старообрядцы,—такъ какъ требуетъ, чтобы указательный перстъ былъ простертъ и мало наклоненъ, а положеніе средняго и совѣмъ не опредѣляетъ („а верхній перстъ съ среднимъ совокупи, простеръ мало нагнувъ“), тогда какъ, по ученію старообрядцевъ, указательный перстъ долженъ быть простертъ, а средній мало наклоненъ; 2) въ той же 31-й главѣ, въ которой заповѣдуются двуперстіе, Стоглавъ заповѣдуетъ и троеперстіе, говоря: „три персты *равны* имѣти вкупѣ, а два перста имѣти наклонена, а не простерта“; въ перстосложеніи старообрядческомъ нѣтъ ни трехъ перстовъ равныхъ вкупѣ, ни двухъ перстовъ наклоненныхъ, а не простертыхъ; 3) въ срединѣ 31 главы Стоглавъ, говоря: „креститися и благо-

словити—два дольныя, а третій верхній къ дольныма перстома; то же согбѣніе персту толкуеть: преклонь бо небеса и сниде нашего ради спасенія, а два верхніе — сими же двѣма благословити — въ божество и человекѣство“, заповѣдуетъ новое перстосложеніе, очевидно не двуперстное старообрядческое, а вѣроятно именованное, употребляемое въ православной церкви для благословенія святительскаго и священническаго, такъ какъ здѣсь всѣ пять перстовъ толкуются о второмъ лицѣ Св. Троицы, Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ, какъ толкуются они и въ именованномъ перстосложеніи; тогда какъ, по ученію старообрядцевъ, три перста означаютъ Св. Троицу; наконецъ, 4) Стоглавъ въ той же 31-й главѣ излагаетъ еще новое перстосложеніе, требуя для крестнаго знаменія и благословенія „персты три совокушити низу, а два верхніе купно“.

«Не указывая перстовъ, которые должны быть соединены внизу, Стоглавъ, замѣчаетъ авторъ «Бесѣдъ», даетъ право и вынуждаетъ соединить тѣ именно персты внизу, которые внизу кисти руки находятся, а именно: мизинецъ, безъимянный и средній. Точно также, не указывая прямо, какіе два верхніе перста должны быть соединены купно, Стоглавъ, естественно, даетъ право разумѣть подъ верхними перстами большой палецъ съ слѣдующимъ за нимъ указательнымъ. Что же это выйдетъ? Или выйдутъ соединенные вмѣстѣ всѣ пять пальцевъ, — въ выпрямленномъ ли, или въ наклоненномъ положеніи, — или выйдутъ два отдѣльные соединенія: одно—соединеніе трехъ пальцевъ, а другое—двухъ пальцевъ, не извѣстно, въ какомъ положеніи... Такъ-то запутанно, разнорѣчиво, противорѣчиво изложено ученіе о перстосложеніи въ Стоглавѣ», заключаетъ авторъ «Бесѣдъ».

Переходя отъ заповѣдуемаго Стоглавомъ неодинаковаго перстосложенія къ толкованію смысла онаго, нашъ авторъ и здѣсь встрѣчаетъ не только противорѣчіе Стоглава самому себѣ, но и толкованія еретическія.

«Стоглавъ, говоритъ онъ, и вообще старообрядцы въ трехъ перстахъ двуперстія видятъ указаніе на Св. Троицу. Что и Стоглавъ держится этого взгляда на три перста, это видно изъ того, что онъ въ 31 главѣ, содержащей ученіе о перстосложеніи, утверждаетъ на свидѣтельствахъ Мелетія и Θεодорита, разумѣющихъ три перста о Св.

Троицѣ. И разумѣя три перста о Св. Троицѣ, Стоглавъ въ 31 же главѣ допускаетъ слѣдующее толкованіе значенія трехъ перстовъ: «креститися и благословити — два дольные, а третій верхній къ дольнымъ перстома; то же согбеніе персту толкуеть: преклонъ бо небеса и сниде нашего ради спасенія», т. е. Св. Троица, образуемая тремя перстами, преклонила небеса и сошла нашего ради спасенія:—воплотилась, жила на землѣ, пострадала, умерла, погребена плотію и въ третій день воскресла. Какая ужасная ересь! И эту ересь стоглавый соборъ ограждаетъ проклятіемъ¹⁾.

Наконецъ, продолжая разборъ 31 главы Стоглава, авторъ „Бесѣдъ“ доказываетъ неосновательность и несправедливость опредѣленія его о двуперстїи тѣмъ, что оно „вовсе не утверждается на тѣхъ основаніяхъ, на которыя ссылается Стоглавъ“. Такъ Стоглавъ увѣряетъ, что креститися и благословлять двумя перстами „предаша намъ самовидцы и слуги Божія Слова святїи апостоли и святїи отцы“, а между тѣмъ, по замѣчанію автора „Бесѣдъ“, Стоглавъ не указываетъ, гдѣ заключено это апостольское преданіе и какіе отцы говорили въ пользу двуперстїа; если же Стоглавъ разумѣетъ въ этомъ случаѣ подъ св. отцами Мелетїа антохійскаго и блаженнаго Феодорита, на которыхъ ссылается, то ссылка эта, по словамъ автора, „весьма неудачная, двуперстїа не подтверждающая, показываетъ, что Стоглавъ также несправедливо сослался въ пользу двуперстїа и на св. отцевъ, какъ на апостоловъ“. Посвятивъ разбору свидѣтельствъ Мелетїа и Феодорита отдѣльные бесѣды, авторъ въ данномъ случаѣ ограничивается тѣмъ замѣчаніемъ, что изъ этихъ свидѣтельствъ, какъ они приведены въ Стоглавѣ, Стоглавъ извлекъ гораздо больше, чѣмъ въ нихъ находится, а это—не правильно, противно требованіямъ здравой логики. Такъ о Мелетїи, по Стоглаву, говорится, что онъ „два перста совокупилъ и три пригнувъ благослови люди“, а Стоглавъ, на основаніи этого

¹⁾ Впервые на такое странное толкованіе Стоглавомъ трехъ перстовъ обратилъ вниманіе преосвящ. Никаноръ (Прав. Собес. 1870 г. ч. 2, стр. 349—50) и затѣмъ болѣе внимательно остановился на немъ о. игумень Павелъ (Бр. Слов. 1875 г. к. 4, отд. III, стр. 288—291).

свидѣтельства, изъ котораго не видно, какіе два перста Мелетій совокупилъ и какіе три пригнулъ и въ какомъ видѣ одни совокупилъ, а другіе пригнулъ, утверждаетъ, что нужно „*большой перстъ да два нижніе во едино совокупить, а верхній перстъ съ среднимъ совокупить, простеръ, мало нагнуть*“, т. е., дѣлая точное указаніе пальцевъ и самый образъ ихъ совокупленія, чего у Мелетія нѣтъ, очевидно, беретъ изъ Мелетіева свидѣтельства гораздо больше, чѣмъ сколько въ немъ есть. Точно также и изъ свидѣтельства Θεодоритова Стоглавъ, по словамъ автора „Бесѣдъ“, беретъ больше, чѣмъ сколько въ немъ находится и даже противорѣчитъ слову Θεодоритову. Въ этомъ словѣ, какъ оно приведено въ Стоглавѣ, а) не указано ни то, какіе именно три перста *имѣти равны окупъ*, ни то, какіе два перста *имѣти наклонены*, а не простерты; а Стоглавъ, на основаніи этого свидѣтельства, опредѣленно указываетъ и три перста и два, входящіе въ составъ дуперстія, и такимъ образомъ беретъ изъ свидѣтельства гораздо больше, чѣмъ въ немъ есть; б) въ словѣ Θεодоритовомъ повелѣвается „*имѣти два перста наклонена, а не простерта*“, а Стоглавъ на основаніи его предписываетъ совершенно противоположное сложеніе двухъ перстовъ,—повелѣваетъ ихъ совокупить, *простерши* верхній — указательный мало нагнувъ, а положенія средняго пальца и совсѣмъ не опредѣляетъ; в) по Θεодоритову слову, согбеніе *двухъ* перстовъ, образующихъ божество и челоуѣчество Христово, толкуется: *преклонъ небеса сниде*, а по Стоглаву *согбеніе трехъ* перстовъ — верхняго съ двумя дольными, образующихъ св. Троицу, толкуется: „*преклонъ бо небеса и сниде нашего ради спасенія*“, — явное разнорѣчіе между правиломъ и его основаніемъ, разнорѣчіе, при которомъ Стоглавъ проповѣдуетъ ересь. „Вѣрьте же послѣ этого Стоглаву, замѣчаетъ авторъ „Бесѣдъ“, что онъ въ своемъ дуперстіи утверждаетъ на отцахъ церкви, когда онъ такъ явно злоупотребляетъ свидѣтельствами Мелетія и Θεодорита, —единственными отеческими свидѣтельствами, на которыя онъ могъ сослаться“ (стр. 50—57).

Мы изложили съ возможною подробностію сдѣланный авторомъ „Бесѣдъ“ разборъ опредѣленія Стоглаваго собора о двуперстіи и считаемъ справедливымъ прибавить: ни въ одномъ изъ прежде изданныхъ сочиненій по вопросу о перстосложеніи для крестнаго знаменія мы не встрѣчали такого тонкаго анализа и вмѣстѣ такой полноты и основательности, ясности и простоты, съ какими разсмотрѣно это опредѣленіе въ „Бесѣдахъ“ ¹⁾).

Тѣми же качествами отличается и разборъ авторомъ „Бесѣдъ“ такъ называемаго слова Θεодоритова. Сначала нашъ авторъ доказываетъ старообрядцу, что онъ несправедливо поступилъ, сославшись въ пользу двуперстія на Θεодоритово слово не по Стоглаву, о которомъ шла рѣчь и въ которомъ сказано: „три персты равны имѣти вкупѣ“, а по сборнику митрополита Даніила, въ которомъ къ этимъ словамъ прибавлено: „большій да два послѣднихъ“. Стоглавъ, какъ сборникъ *соборныхъ постановленій*, долженъ имѣть несравненно большую важность, чѣмъ сборникъ *одного лица*, хотя бы то и митрополита, и старообрядцамъ слѣдовало бы чтеніе Θεодоритова слова по Стоглаву предпочитать чтенію его по сборнику Даніила. На замѣчаніе старообрядца, что въ сборникѣ Даніиловомъ слово Θεодоритово изложено яснѣе и полнѣе, чѣмъ въ Стоглавѣ, авторъ „Бесѣдъ“ доказываетъ, что эти полнота и ясность — фальшивы и произошли отъ ложной вставки, — что Θεодоритово слово по Стоглаву ближе къ первоначальному своему тексту (въ сборникѣ игумена Досіея), чѣмъ по сборнику митрополита Даніила; а то обстоятельство, что Стоглавъ, весьма нуждавшійся въ свидѣтельствахъ въ пользу двуперстія, не представилъ однакоже, въ доказательство двуперстія, Θεодоритова слова въ томъ видѣ, въ какомъ оно записано въ сборникѣ митрополита Даніила, а привелъ его по тексту, не говорящему ясно въ пользу двуперстія, или даже говорящему въ пользу троеперстія, приводитъ автора „Бесѣдъ“ къ тремъ слѣдующимъ предположеніямъ: или и въ сборникѣ Даніила слово Θεодори-

¹⁾ У преосвященнаго Никанора 31-я глава Стоглава разобрана хорошо и обстоятельно, но не такъ просто и ясно (Праж Собес. 1870 г. 2, 348—50).

тово читалось такъ же, какъ оно приведено въ Стоглавъ, и Стоглавъ привелъ чтеніе по этому сборнику, только не указавъ его ¹⁾; или искаженіе Θεодоритова слова вставкой словъ: „большій да два послѣднихъ“, было такъ ново и общеизвѣстно, что Стоглавъ не рѣшился опираться на завѣдомо искаженномъ словѣ; или въ Данииловомъ сборникѣ, бывшемъ подъ руками собора Стоглаваго, была сдѣлана вставка не только неблагопріятствовавшая двуперстію, но даже благопріятствовавшая троеперстію, именно: „большій да два *подъ него*“, каковое чтеніе дѣйствительно встрѣчается въ нѣкоторыхъ спискахъ Θεодоритова слова ²⁾; какъ бы то ни было, авторъ справедливо говорить, что то обстоятельство, что Стоглавъ не сослался на Θεодоритово слово по сборнику Даниила, дѣлаетъ чтеніе этого слова по Даниилову сборнику весьма сомнительнымъ, и старообрядцы поступали бы болѣе справедливо, если бы пользовались Θεодоритовымъ словомъ по чтенію Стоглава. Впрочемъ, замѣчаетъ нашъ авторъ, даже и въ томъ случаѣ, если старообрядцы станутъ пользоваться Θεодоритовымъ словомъ по сборнику митрополита Даниила и по другимъ старымъ книгамъ, въ которыхъ оно представляется благопріятствующимъ двуперстію, оно не много поможетъ имъ: крайнее разнорѣчіе, замѣчаемое въ чтеніи этого слова, по разнымъ старымъ книгамъ, крайне затруднитъ старообрядцевъ въ рѣшеніи вопроса о томъ, которое же изъ многихъ чтеній Θεодоритова слова подлинное и которому потому нужно больше вѣрить; а постепенное добавленіе Θεодоритова слова словами благопріятствующими двуперстію, служить явнымъ свидѣтельствомъ того, что слово это въ первоначальномъ своемъ видѣ въ пользу его не говорило, а говорило въ пользу троеперстія, почему и по-

¹⁾ Это предположеніе невѣрно: въ сборникѣ Данииловомъ, имъ самимъ составленномъ, Θεодоритово слово читается такъ: «три персти равны имѣти вкулъ большій да два послѣднихъ» (Хр. Чт. 1872 г. за Окт. стр. 183 и стр. 202).

²⁾ Ист. Сол. об. 1844 г. стр. 84. Намъ думается что Стоглавъ привелъ Θεодоритово слово не по сборнику Даниила потому, что не зналъ его, или не имѣлъ подъ руками.

надобилась передѣлка его, которая сперва шла весьма неудачно (два перста по прежнему оставались наклоненными, а не простертыми), и только при патриархѣ Іосифѣ, въ Кирилловой книгѣ и въ псалтиряхъ, удалось передѣлать Θεодоритово слово такъ, что въ немъ предписывается точно старообрядческое сложеніе перстовъ.

Указывая разпорѣчіе, замѣчаемое въ чтеніи Θεодоритова слова по разнымъ спискамъ и книгамъ, авторъ обращаетъ вниманіе на слѣдующіе пункты: а) по однимъ спискамъ (напр. по Стоглаву и др.), Θεодоритово слово не указываетъ, какіе именно три перста нужно слагать во образъ св. Троицы и какіе два — во образъ двухъ естествъ во Христѣ; между тѣмъ по другимъ спискамъ и книгамъ персты эти указаны прямо; б) по Данилову сборнику, по Большому Катихизису, Кирилловой книгѣ и псалтирямъ, напечатаннымъ въ патриаршество Іосифа, три перста опредѣляются Θεодоритовымъ словомъ ясно, но въ выраженіяхъ самыхъ разнообразныхъ; — по сборнику Даниила: „большій да два послѣднихъ“, по Большому Катихизису: „великій со двѣма малыми“, по Кирилловой книгѣ и псалтирямъ: „великій, иже глаголется палець, да два послѣднихъ“¹⁾; в) въ сборникѣ Даниловомъ, въ Большомъ Катихизисѣ и въ Стоглавѣ слово Θεодоритово не указываетъ прямо, какіе два перста должны быть соединены для двуперстія, а только называетъ ихъ — одинъ вышнимъ, а другой нижнимъ, каковое названіе можетъ быть отнесено и къ указательному съ великосреднимъ и къ двумъ послѣднимъ перстамъ; въ Кирилловой же книгѣ и въ псалтиряхъ то же слово говоритъ: „а два перста вышній да *средній великій* вмѣсто сложити“, т. е. вмѣсто „нижній“ сказано „средній великій“; наконецъ, касательно положенія этихъ (двухъ) перстовъ слово Θεодоритово, по всѣмъ спискамъ и книгамъ, за исключеніемъ Кирилловой книги и псалтирей, требуетъ, чтобы они были *наклонены, а не простерты*; по Кирилловой же книгѣ и псалтирямъ,

¹⁾ Какъ, повидимому, ни незначительна эта разность въ выраженіяхъ, но для людей, ратующихъ за одну букву *α*, — напр. въ символѣ: «рожденна, а не сотворенна», — она должна имѣть серьезное значеніе.

тоже слово повелѣваетъ „два перста простерти, великій же перстъ имѣти мало наклонно“; тутъ уже—не разнорѣчіе только, а прямое противорѣчіе. Сказавъ, что никто изъ старообрядцевъ доселѣ не указалъ, которое изъ разнообразныхъ чтеній Θεодоритова слова—подлинное, представляющее собою голосъ блажен. Θεодорита,—безъ чего ссылка на это слово въ пользу двуперстія не убѣдительна и что прямо показываетъ, что оно не принадлежитъ блаж. Θεодориту, подлинныя сочиненія котораго извѣстны,—авгоръ, обращающаяся къ старообрядцамъ, замѣчаетъ:

«Какъ же это—одинъ и тотъ же Θεодоритъ, въ одномъ и томъ же словѣ, помѣщаемомъ только въ разныхъ старыхъ книгахъ, самъ себѣ противорѣчить. Ваше положеніе ужасно. Сложите персты по Θεодоритову слову—Кирилловой книги и псалтирей,—прогибаете Θεодорита, повелѣвающего совсѣмъ иначе слагать персты въ Стоглавѣ, Данииловомъ сборникѣ, Большомъ Катихизисѣ и пр. Послушаете Θεодоритова слова сихъ послѣднихъ книгъ,—оскорбите Θεодорита Кирилловой книги и псалтирей. Куда ни кинь, все выходитъ клань» (стр. 71).

На замѣчаніе старообрядца о томъ, что не имъ—старообрядцамъ, а православнымъ—людямъ ученымъ слѣдовало бы опредѣлить, которое чтеніе Θεодоритова слова—подлинное, авторъ „Бесѣдъ“, вслѣдъ за преосвященнымъ Макаріемъ ¹⁾, доказываетъ, что слово это не только не принадлежитъ, но даже и не можетъ принадлежать блаж. Θεодориту,—такъ какъ во дни блаж. Θεодорита существовалъ въ Кирѣ и въ другихъ мѣстахъ обычай креститься однимъ перстомъ, и самъ Θεодоритъ говоритъ о святыхъ, крестившихся только однимъ перстомъ,—и есть произведеніе русское, явившееся не раньше второй половины XV вѣка. Какъ свидѣтельства, которыми авторъ „Бесѣдъ“ доказываетъ неподлинность Θεодоритова слова, такъ и соображенія его о томъ, что оно—русское произведеніе, не представляютъ ничего новаго, сравнительно съ тѣмъ, что извѣстно было объ этомъ предметѣ и прежде ²⁾. Но за то въ объясненіи, что заста-

¹⁾ Братск. Слов. 1875 г. кн. 1, отд. II, стр. 32—3.

²⁾ Тамъ же стр. 47—8.

вило неизвѣстнаго русскаго написать наставленіе о перстосложеніи для крестнаго знаменія, извѣстное подъ именемъ Θεодоритова слова, и почему онъ приписалъ это слово блаж. Θεодориту, а не св. Геннадію, изъ Стоглава котораго взято составителемъ слова его догматическое содержаніе, мы находимъ не мало новыхъ и очень интересныхъ соображеній. Доселѣ, сколько извѣстно, православные писатели, большею частію, обходили эти вопросы ¹⁾, а если и касались ихъ, то рѣшали неудовлетворительно. Такъ, по однимъ, Θεодоритово слово вышло, такъ сказать, изъ мастерской иконописца, которому понадобилось правило, какъ писать молящуюся и благословляющую руку, и который и написалъ себѣ въ руководство это слово, взявши содержаніе для него изъ извѣстнаго сказанія о Мелетіи Антиохійскомъ; а такъ какъ первое сказаніе о томъ, что Мелетій обличилъ аріанъ извѣстнымъ перстосложеніемъ, принадлежитъ блаж. Θεодориту, то книжный иконописецъ и назвалъ свое произведеніе словомъ св. Θεодорита ²⁾; по другимъ, слово Θεодоритово съ ученіемъ о *двуперстїи* написано было противъ ереси жидовствующихъ, а названо Θεодоритовымъ потому, что было составлено нашимъ русскимъ Θεодоритомъ, извѣстнымъ просвѣтителемъ лопарей ³⁾. Авторъ „о Θεодоритовомъ словѣ“, подробно развивая ту же мысль,—что слово Θεодоритово, съ ученіемъ о троеперстїи, первоначально было составлено (неизвѣстнымъ, или, какъ онъ предполагаетъ, игуменомъ Соловецкаго монастыря Досифеемъ) противъ ереси жидовствующихъ,—утверждаетъ, что названо оно именемъ Θεодорита „для большаго вниманія къ нему“ еретиковъ, для вразумленія которыхъ составлено было слово ⁴⁾, какъ будто, назвавши слово напр. Златоустовымъ, составитель его не могъ достигнуть той же цѣли съ большимъ ус-

¹⁾ Прав. Собес. 1870 г. ч. 2, стр. 227.

²⁾ Истор. русск. Церкви арх. Филарета, т. III, стр. 105—6. Несостоятельность этого мнѣнія показана въ сочиненіи «о Θεодоритовомъ Словѣ», стр. 8, примѣч. 27.

³⁾ «День» 1863 г. № 10. Несправедливость этого мнѣнія доказана въ Прав. Собес. 1863 г., ч. 1, стр. 33—34; снес. «о Θεодорит. Слов.» стр. 6 и 20, прим. 28.

⁴⁾ «о Θεодоритов. Словѣ», стр. 7 и 8; снес. стр. 16—19.

пѣхомъ. Авторъ „Бесѣдъ“ идетъ въ рѣшеніи означенныхъ вопросовъ совершенно новою дорогою. По его мнѣнію, слово Θεодоритово есть не болѣе, какъ толкованіе, или объясненіе сказанія о Мелетіи антиохійскомъ, какъ онъ посредствомъ перстовъ изъяснилъ арианамъ догматъ Св. Троицы, — объясненіе, сдѣланное неизвѣстнымъ писателемъ въ то время, когда у насъ появились споры о перстосложеніи для крестнаго знаменія, и потому именно, что сказаніе о Мелетіи, говорившее по древнѣйшимъ спискамъ въ пользу троеперстія, съ теченіемъ времени явилось въ такой редакціи, по которой оно стало благопріятствовать болѣе двуперстію, или именованному перстосложенію, чѣмъ троеперстію; усвоено же было это объясненіе Мелетіева свидѣтельства блаженному Θεодориту потому, что основа его, т. е. сказаніе о Мелетіевомъ перстосложеніи, принадлежала блаж. Θεодориту. Вотъ что говоритъ авторъ „Бесѣдъ“ по этому вопросу:

«Почему составитель Θεодоритова слова вздумалъ признать и назвать перстосложеніе, имъ проповѣдуемое, Θεодоритовымъ? Гдѣ и когда Θεодоритъ высказалъ что либо, подходящее къ этому перстосложенію? Можно думать, что составитель Θεодоритова слова, вѣроятно же всего троеперстникъ, видѣлъ указаніе на такое перстосложеніе въ Θεодоритовомъ сказаніи о св. Мелетіи, патріархѣ антиохійскомъ, — о сдѣланномъ этимъ святителемъ, посредствомъ перстовъ, разъясненіи догмата Св. Троицы, вопреки лжеученію арианскому. Въ самомъ дѣлѣ, Мелетіево свидѣтельство о перстосложеніи есть не Мелетіево только, но и Θεодоритово свидѣтельство. Оно — Мелетіево свидѣтельство потому, что св. Мелетій слагалъ персты, для изъясненія ученія о единосущіи Св. Троицы; оно — Θεодоритово потому, что бл. Θεодоритъ первый въ своей исторіи записалъ сказаніе о Мелетіевомъ сложеніи перстовъ. Потому Мелетіево свидѣтельство можно съ полною справедливостію назвать и Мелетіевымъ и Θεодоритовымъ свидѣтельствомъ, какъ обоимъ имъ принадлежащее: одному — какъ дѣятелю, другому — какъ историку. Самостоятельнаго же, отдѣльнаго отъ Мелетіева, свидѣтельства Θεодоритова о перстосложеніи, выражающемъ таинство Св. Троицы и воплощенія Сына Божія, для насъ не осталось; осталось, правда, отъ Θεодорита свидѣтельство о перстосложеніи, но свидѣтельство, какъ мы уже говорили, только о единоперстіи для крестнаго знаменія. Но у насъ на Руси, въ старыхъ книгахъ, изъ одного общаго — Мелетіева-Θеодоритова свидѣтельства о

перстосложеніи возникаютъ два отдѣльные, самостоятельныя свидѣтельства—Мелетіево и Феодоритово: Феодоритово свидѣтельство выдѣляется изъ Мелетіева. Этотъ процессъ выдѣленія совершается, по всей вѣроятности, такъ: Мелетіево свидѣтельство, *по большей части списковъ* говоритъ скорѣе въ пользу троеперстія, чѣмъ двуперстія,—говоритъ, что св. Мелетій показаль сначала три перста (простертые, несовокупленные, конечно, при двухъ согнутыхъ), естественнѣе всего, первые, потому что персты не опредѣляются, а потомъ два (изъ этихъ же) перста соединилъ и (къ нимъ) пригнулъ третій. и сказалъ: «тріе убо ипостаси разумѣваемъ, о единомъ же существѣ бесѣдуемъ». Внимательное разсмотрѣніе этого чтенія Мелетіева свидѣтельства, что мы послѣ и сдѣлаемъ, побуждаетъ видѣть здѣсь указаніе именно на троеперстіе. Но по редакціи Стоглава и, конечно, другихъ, древнѣйшихъ Стоглава, сборниковъ, по которой повелѣвается, послѣ простертія сначала трехъ разъединенныхъ перстовъ, два совокупить, а три пригнуть, Мелетіево слово какъ будто благопріятствуетъ болѣе двуперстію, или именованному перстосложенію, чѣмъ троеперстію. По причинѣ этого различія, даже разногласія редакцій, и по краткости и недостаточной опредѣленности своей, свидѣтельство Мелетіево является не вполнѣ яснымъ, и потому требуетъ толкованія, объясненія. Толкованіе, объясненіе и является, и является именно съ тѣмъ содержаніемъ, съ какимъ мы встрѣчаемъ такъ называемое слово Феодоритово,—толкованіе, имѣющее очевидное сходство съ Мелетіевымъ свидѣтельствомъ какъ въ вопросѣ о перстахъ, такъ и въ догматическомъ ученіи, ими выражаемомъ. Толкованіе въ разныхъ спискахъ, подобно Мелетіеву свидѣтельству, занимается и перстами, предлагая то, или другое, — троеперстное, или двуперстное—перстосложеніе, и догматическимъ ученіемъ, выражаемымъ перстами: очевидная близость того и другаго свидѣтельства. Но эта близость ихъ становится еще очевиднѣе отъ того, что въ нѣкоторыхъ спискахъ, какъ напр. въ списокѣ Стоглаваго собора, и Мелетіево свидѣтельство и толкованіе на него приписывается совмѣстно и св. Мелетію и бл. Феодориту: *также Мелетій Севастійскій и Феодоритъ насъ научаютъ*, — говорится предъ свидѣтельствомъ Мелетіевымъ и, по окончаніи сего свидѣтельства, предъ толкованіемъ на него, извѣстнымъ подъ именемъ слова Феодоритова, уже не выставляется имени Феодорита, какъ виновника сего свидѣтельства. Послѣ этого и то явленіе, что во многихъ древнихъ сборникахъ (Досиѣевомъ, Даниловомъ и др.) такъ называемое слово Феодоритово помѣщается, какъ самостоя-

тельное слово, въ всякой явной связи съ Мелетіевымъ словомъ и зависимости отъ него, ни мало не будетъ говорить противъ взаимной ихъ связи и зависимости, какъ скоро въ нѣкоторыхъ спискахъ (напр. Стоглавѣ) эта связь такъ ясно указывается и какъ скоро по этимъ послѣднимъ спискамъ слово Феодоритово является, очевидно, толкованіемъ Мелетіева свидѣтельства. Безъ особыхъ затрудненій можно объяснить и то, почему толкованіе свидѣтельства Мелетіева, являясь отдѣльно отъ сего свидѣтельства, получаетъ названіе не Мелетіева, а Феодоритова слова. Мелетіевымъ словомъ назвать его было неудобно, потому что, по своему содержанію, дополненному и догматическими разъясненіями, заимствованными изъ Генадіева Стоглава, и разъясненіями касательно перстосложенія, оно значительно отличалось отъ Мелетіева свидѣтельства. Приписать его бл. Феодориту было удобнѣе потому, что для этого названія не встрѣчалось неудобствъ, встрѣченныхъ для названія его словомъ Мелетіевымъ; да и не совсѣмъ несправедливо было усвоить толкованіе Мелетіева свидѣтельства бл. Феодориту, потому что основа его, — сказаніе о Мелетіевомъ перстосложеніи, — хотя и не во всей точности, принадлежало бл. Феодориту. Такимъ образомъ мнимо-Феодоритово слово о перстосложеніи, по всей вѣроятности, приписано бл. Феодориту потому, что оно, бывъ составлено для разъясненія и истолкованія Феодоритова сказанія о Мелетіи и — на основаніи этого сказанія, выражаетъ въ себѣ мысль бл. Феодорита о перстосложеніи для крестнаго знаменія, — мысль его, конечно, не подлинную, какъ увидимъ мы при разборѣ Мелетіева свидѣтельства, а только приписываемую Феодориту русскими списками Мелетіева свидѣтельства. Вотъ наиболѣе правдоподобное объясненіе того, почему именно бл. Феодориту приписано такъ называемое Феодоритово слово» (стр. 82—85).

По нашему мнѣнію, эти остроумныя соображенія автора „Бесѣды“ о происхожденіи Феодоритова слова и о причинѣ, побудившей составителя его приписать свое произведеніе бл. Феодориту, такъ естественны и просты, что трудно не согласиться съ ними. А если къ сказанному авторомъ прибавить, что въ нѣкоторыхъ спискахъ конца XV вѣка ¹⁾ одно даже *сказаніе о Мелетіи*, безъ слова Феодоритова, надписывалось: „также и Мелетій Сева-

¹⁾ Напр. въ сборникѣ библ. Кирилло-Бѣлов. мон. нынѣ петерб. дух. акад., № 1088, л. 263—5 (см. Брат. сл. 1875 г. кн. 1, отд. II, стр. 50 прим. 31).

стейскій и *Θεοδοριτѣ* научаютъ насъ“, то взглядъ его на происхожденіе *Θεοδοριтова* слова приобрѣтаетъ еще больше значенія.

Не можемъ не сказать еще о томъ, какъ авторъ „*Весѣдь*“ отвѣчаетъ на замѣчаніе старообрядца о томъ, что слово *Θεοδορι-тово* и въ первоначальномъ своемъ видѣ не можетъ говорить въ пользу троеперстія, во 1-хъ потому, что оно даетъ значеніе всѣмъ пяти перстамъ, между тѣмъ какъ, по православному ученію, только три первые перста указуютъ Св. Троицу, а остальные два остаются безъ значенія, и во 2-хъ потому, что *Θεοδοριтово* слово требуетъ одного и того же перстосложенія и для крестнаго знаменія и для священническаго благословенія, между тѣмъ какъ у насъ употребляются два перстосложенія, одно для крестнаго знаменія, а другое для благословенія. Противъ перваго замѣчанія авторъ говоритъ, что на основаніи словъ *Жезла*, сооруженнаго соборомъ 1666 года, и др. можно думать, что до собора 1667 года, по словамъ котораго два послѣдніе перста въ троеперстномъ перстосложеніи остаются „праздны“, безъ значенія, у насъ не только частныя лица, но даже іерархи давали извѣстное (почти тоже, какое дается имъ нынѣ старообрядцами) значеніе и двумъ перстамъ; значитъ, и составитель слова *Θεοδοριтова*, писавшій свое произведеніе задолго до собора 1667 года, могъ, проповѣдуя троеперстіе, указать и на два послѣдніе перста, наклоненные, а не простертыя, и дать имъ „указъ тако: то образуетъ двѣ естествѣ, божество и челоуѣчество“ *І. Христа*. — Неосновательнымъ представляется автору „*Весѣдь*“ и второе замѣчаніе старообрядца; что слово *Θεοδοριтово* было составлено первоначально для наученія перстосложенію только для крестнаго знаменія, это, по словамъ автора, показываютъ надписи нѣкоторыхъ списковъ этого слова, въ родѣ слѣдующихъ: „како подобаетъ челоуѣкови творити крестъ. Тако подобаетъ благословляти каждому и творити же крестъ вообразъ Св. Троицы“, или: „*Θεοδοριтово*, како ся благословити рукою и креститися“; въ надписяхъ же нѣкоторыхъ списковъ слова „благословити“ и совсѣмъ нѣтъ, и только значитъ: „*Θεοδοριтово*,

како подобаеть креститись“; съ другой стороны, слово *благословити* перѣдко употреблялось и употребляется не въ смыслъ священническаго благословенія, а въ смыслъ молитвеннаго благословенія и прославленія Господа—каждымъ вѣрующимъ, не священникомъ только; въ этомъ же смыслѣ, по мнѣнію автора, слово *благословити* употреблено было и составителемъ Феодоритова слова, и уже только впоследствии стали понимать его неправильно—въ смыслъ священническаго благословенія: быть можетъ и то, что выраженіе *благословити* авторъ Феодоритова слова употребилъ въ смыслъ благословенія, или огражденія себя крестнымъ знаменіемъ, съ произнесеніемъ словъ: *Господи благослови*; наконецъ, если бы и допустить, что въ Феодоритовомъ словѣ заповѣдуется одно и то же перстосложеніе и для крестнаго знаменія и для священническаго благословенія, и въ такомъ случаѣ оно могло быть составлено въ пользу троеперстія; въ XV вѣкѣ могли быть и такіе приверженцы троеперстія, которые, вопреки и въ противодѣйствіе двуперстникамъ, употреблявшимъ двуперстіе и для крестнаго знаменія и для благословенія, стали требовать употребленія троеперстія не для крестнаго только знаменія, но и для благословенія, и въ подтвержденіе своего требованія составили мнимо-Феодоритово слово съ ученіемъ о троеперстіи (стр. 85—90). Последнее предположеніе автора „Бесѣдъ“, если мы не ошибаемся, никѣмъ еще не высказывалось доселѣ.

Не менѣе обстоятеленъ и основателенъ и сдѣланный авторомъ „Бесѣдъ“ разборъ Мелетіева свидѣтельства, которое, какъ извѣстно, доселѣ толкуется нѣкоторыми неполнѣ правильно ¹⁾. Прежде всего авторъ „Бесѣдъ“ доказываетъ, что свидѣтельство это въ томъ видѣ, какъ оно приведено въ Стоглавѣ („два совокупль, а три пригну“), не говоритъ *прямо* въ пользу старообрядческаго перстосложенія,—такъ какъ въ немъ не указано, какіе два перста Мелетій совокупилъ и какіе три пригнулъ,—и раскольники, разумѣя въ этомъ сказаніи подъ двумя перстами указательный и средній, а

¹⁾ Брат. Слов. 1875 г. кн. 2, отд. III, стр. 140—1.

подъ тремя—большой и два послѣднихъ, толкуютъ его въ свою пользу произвольно и неправильно, такъ какъ въ сказаніи нѣтъ ни слова о томъ, что великосредній перстъ долженъ быть „мало наклоненъ“, что требуется старообрядческимъ перстосложениемъ; по мнѣнію автора, въ Мелетіевомъ свидѣтельствѣ по Стоглаву съ одинаковымъ правомъ можно видѣть указаніе какъ на двуперстіе, такъ и на именованное перстосложеніе. Противъ замѣчанія старообрядца о томъ, что Мелетіево свидѣтельство (по Стоглаву), въ которомъ говорится, что св. отецъ перстами изложилъ ученіе о св. Троицѣ, не можетъ указывать на именованное перстосложеніе, въ которомъ перстами означается имя Спасителя: „Иисусъ Христосъ“, а скорѣе указываетъ на старообрядческое перстосложеніе, въ которомъ тремя перстами (большимъ и двумя послѣдними) означается св. Троица, авторъ говоритъ, что и въ именованномъ перстосложеніи можетъ знаменоваться вся св. Троица, и въ подтвержденіе своихъ словъ приводитъ слѣдующія слова св. Василія Великаго:

«Никого да не вводитъ въ обманъ у Апостола то, что, упоминая о крещеніи, нерѣдко умалчиваетъ онъ объ имени Отца и Св. Духа, и никто не долженъ заключать изъ сего, что не надобно соблюдать призыванія именъ. Сказано: *елицы во Христа креститесь, во Христа облекостесь* (Галат. III, 27). И еще: *елицы во Христа креститесь, въ смерть Его креститесь* (Римл. VI, 3). Это потому, что *наименованіе Христа есть исповданіе всего; оно указываетъ и на помазующаго Бога, и на помазаннаго Сына, и на помазаніе Духа*», какъ учитъ насъ Петръ въ Дѣянїяхъ: *Иисуса, Иже отъ Назарета, Его же помаза Богъ Духомъ Святымъ* (X, 38), и Исаїа: *Духъ Господень на Мя, Его же ради помаза Мя* (LXI, 1), Псалмопѣвецъ: *сею ради помаза Тя, Боже, Богъ Твой елеемъ радости паче причастникъ Твоихъ* (44, 8) (стр. 94—5).

Если св. Василій Великій, замѣчаетъ авторъ, въ имени *Христосъ* видѣлъ указаніе на св. Троицу, то почему же не допустить, что и св. Мелетій, современникъ св. Василія, состоявшій въ перепискѣ съ нимъ, послѣ изложенія ученія о св. Троицѣ, благословилъ вѣрующіихъ именованно, когда въ трехъ перстахъ именованія,

изображающихъ имя *Христосъ*, указывается съ тѣмъ вмѣстѣ и Св. Троица? Въ пользу такого разумѣнія дѣла, продолжаетъ авторъ, говорить и Стоглавъ, который, указавъ на „достохвально списаніе“ Мелетія, такъ разсуждаетъ о перстосложеніи: „креститися и благословляти два дольныя, а третій верхній къ дольнымъ перстому: тоже согбеніе персту толкуеть, преклонъ бо небеса и сниде нашего ради спасенія. А два верхніе—и сими же двѣма благословити въ божество и челоуѣчество“. При такомъ толкованіи Стоглавомъ трехъ перстовъ, Мелетіево свидѣтельство гораздо лучше и легче объясняется въ пользу нашего именованія, чѣмъ въ пользу старообрядческаго двуперстія, въ которомъ три перста означаютъ Св. Троицу, такъ какъ къ Св. Троицѣ нельзя отнести словъ: „преклонъ небеса и сниде нашего ради спасенія“.

Переходя къ разбору Мелетіева свидѣтельства, какъ оно изложено въ книгѣ Кирилловой и др., авторъ „Бесѣдъ“,—замѣтивъ, что и по чтенію: „два совокупль, а единъ пригнувъ, благослови люди“, свидѣтельство это не ясно говоритъ въ пользу старообрядческаго перстосложенія, такъ какъ не указываетъ опредѣленно, какіе персты совокупить и какіе пригнуть, и можетъ съ одинаковымъ правомъ указывать и на именованное перстосложеніе,—говоритъ, что Мелетіево свидѣтельство по списку Кирилловой книги самымъ естественнымъ и простымъ образомъ можетъ быть объяснено въ пользу *троеперстія*, а не двуперстія старообрядческаго. Доказавъ, что, по свидѣтельству повѣсти, Мелетій сперва показалъ народу три первые перста правой руки „разлучены другъ отъ друга“, т. е. несовокупленными, причемъ два послѣдніе перста имѣлъ пригнутыми къ ладони, а за тѣмъ два пальца, т. е. указательный и великосредній, совокупилъ, а большой персть пригнулъ, съ чѣмъ согласились и старообрядцы, авторъ „Бесѣдъ“ говоритъ: „теперь вопросъ въ томъ, куда, къ какимъ перстамъ“, на основаніи Мелетіева свидѣтельства, какъ оно напечатано въ Кирилловой книгѣ и др., „нужно пригнуть большой персть“? По мнѣнію автора, естественнѣе и проще всего пригнуть этотъ палецъ къ двумъ совокупленнымъ перстамъ—указа-

тельному и великосреднему, чрезъ что составитя троеперстїе, а не къ двумъ послѣднимъ перстамъ, какъ требуютъ того раскольники. Пригибая большой палецъ къ указательному и великосреднему, замѣчаетъ авторъ «Бесѣдъ», мы не допустимъ, или весьма мало допустимъ, произвола въ перстосложенїи, указываемомъ въ Мелетїевомъ свидѣтельствѣ,—несравненно меньше, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда большой палецъ пригибается къ двумъ послѣднимъ перстамъ, и, кромѣ того, лучше выразимъ перстами ученїе о единосущїи Св. Троицы. Развивая и доказывая эти мысли, авторъ говоритъ, что если направлять свидѣтельство Мелетїево въ пользу троеперстїя, въ такомъ случаѣ пригнутые къ ладони два послѣдніе перста, о которыхъ ничего не говорится при вторичномъ перстосложенїи Мелетїевомъ, останутся въ покоѣ; между тѣмъ какъ, направляя сказанїе Мелетїево въ пользу двуперстїя старообрядческаго, необходимо эти персты разогнуть, чтобы соединить ихъ концами съ первымъ пальцемъ, т. е. необходимо допустить произволь, такъ какъ о разгибанїи пригнутыхъ къ ладони двухъ послѣднихъ перстовъ въ сказанїи Мелетїевомъ ничего не говорится; съ другой стороны, слова: „два совокупль, а единъ пригнунъ“, разумѣть такъ: „два перста, указательный и великосредній, показанные сначала разъединенными, соединить и къ нимъ пригнунъ первый палецъ“, гораздо естественнѣе, такъ какъ при такомъ пониманїи все дѣло обходится съ тѣми же самыми пальцами, которые указаны и въ первомъ перстосложенїи Мелетїевомъ разъединенными; между тѣмъ какъ при объясненїи этихъ словъ въ пользу старообрядческаго двуперстїя неизбѣженъ произволь, ничѣмъ не оправдываемый, т. е. понадобится пригнунъ первый палецъ къ двумъ послѣднимъ, о которыхъ вовсе не говорится, и притомъ пригнунъ первый палецъ къ двумъ послѣднимъ *разогнутымъ*. На замѣчанїе старообрядца о томъ, что если бы говорилось у Мелетїя о троеперстїи, въ такомъ случаѣ было бы сказано просто—сложить или совокупить три перста, между тѣмъ какъ въ сказанїи требуется два перста совокупить, а одинъ пригнунъ, что больше идетъ къ старообрядческому перстосложенїю,—авторъ говоритъ, что три первые

перста можно сложить и такъ, что не выйдетъ троеперстія, — когда напр. они будутъ стоять вмѣстѣ въ—рядъ простертыми; а когда къ двумъ изъ трехъ первыхъ перстовъ соединеннымъ пригибается третій, тогда образуется троеперстіе. На замѣчаніе старообрядца, что въ православномъ троеперстіи пригибаются два перста, указательный и великосредній, а первый перстъ стоитъ почти прямо, тогда какъ, по Мелетію, его слѣдуетъ пригнуть, авторъ говоритъ, что и въ старообрядческомъ перстосложеніи первый палецъ находится точно въ такомъ же, почти выпрямленномъ положеніи, какъ и въ нашемъ троеперстіи, только соединенъ не съ указательнымъ и великосреднимъ, а съ двумя послѣдними; съ другой стороны, стоитъ только изъ трехъ первыхъ перстовъ, показанныхъ сначала Мелетіемъ разъединенными, соединить первый палецъ со вторымъ и къ нимъ пригнуть третій, или—первый палецъ съ третьимъ и къ нимъ пригнуть второй (а противъ такого соединенія ничего не говоритъ Мелетіево свидѣтельство, такъ какъ не указываетъ опредѣленно, какіе два перста изъ трехъ первыхъ соединить и который изъ нихъ пригнуть), и тогда возраженіе старообрядцевъ не будетъ имѣть мѣста, — тогда въ томъ и другомъ случаѣ выйдетъ троеперстіе.

Еще естественнѣе можетъ быть объяснено въ пользу троеперстія Мелетіево свидѣтельство по списку Кирилловой книги, если отъ сложенія перстовъ перейти къ тому ученію, которое св. Мелетій хотѣлъ выразить перстами. По всѣмъ спискамъ и толкованіямъ Мелетіева свидѣтельства, св. отецъ имѣлъ въ виду своимъ перстосложеніемъ обличить аріанъ, отвергавшихъ Божество Сына Божія, и доказать единосушіе Св. Троицы. По мнѣнію автора, св. Мелетій лучше всего могъ изложить эту истину при помощи нашего троеперстія. Если оны три ипостаси Св. Троицы указаль тремя первыми перстами, только не совокупленными, „несложными“ (съ чѣмъ согласны и старообрядцы); то не естественнѣе ли всего было ему совокупленіемъ этихъ же именно перстовъ указать и на единосушіе трехъ лицъ Св. Троицы? Отрицуть два изъ этихъ перстовъ

и употребить только одинъ изъ нихъ, въ совокупленіи съ двумя уже *новыми* (т. е. послѣдними) перстами, для означенія единосущія Св. Троицы, не только не было никакихъ основаній, но значило еще возбудить въ народѣ вопросы и недоумѣнія: почему соединены въ образъ Св. Троицы не первые три перста, которыми св. отецъ указалъ три ипостаси, а первый, четвертый и пятый? равны ли послѣ сего лица Св. Троицы? нѣтъ ли между ними какого-либо посредства? не разъединены ли они? Притомъ, если допустить, согласно съ раскольниками, что св. Мелетій, изобразивъ Св. Троицу первымъ и двумя послѣдними перстами, два перста, указательный и великосредній, оставилъ простертыми, въ такомъ случаѣ эти два перста, неизвѣстно почему явившіеся на первомъ планѣ и ни мало не разъясняющіе единосущія лицъ Св. Троицы, должны были возбудить въ народѣ новыя недоумѣнія относительно своего смысла и значенія. Выразить этими перстами ученіе о двухъ естествахъ въ Іисусѣ Христѣ, какъ думаютъ старообрядцы, св. отецъ не имѣлъ ни цѣли, ни повода, такъ какъ ариане, ересь которыхъ св. Мелетій хотѣлъ обличить своимъ перстосложеніемъ, отвергая Божество Сына Божія и Его единосущіе съ Отцомъ, не погрѣшали противъ догмата о соединеніи въ Богочеловѣкѣ двухъ естествъ; и въ Мелетіевомъ свидѣтельствѣ ни слова не говорится объ этомъ предметѣ ¹⁾; тѣмъ менѣе св. Отецъ могъ направлять свое перстосложеніе (двуперстное) противъ Несторіевой ереси, какъ думаетъ объ этомъ сочинитель „посланія о сложеніи перстовъ“; ересь Несторіева появилась только чрезъ 50 лѣтъ послѣ смерти св. Мелетія. То обстоятельство, что Мелетій, два перста совокупивъ; а третій пригнувъ, благословилъ народъ, не можетъ служить доказательствомъ того, что свидѣтельство его должно быть толкуемо

1) Поэтому-то сочинитель статьи «краткое показаніе о важности символа образуемаго двуперстныхъ сложеніемъ, и о клятвахъ и порицаніяхъ на оное, произнесенныхъ грекороссійскою церковію», и опустилъ сказаніе о Мелетіи, какъ такое, въ которомъ говорится только о троячности лицъ, образуемой тремя перстами, и—ни слова о двухъ естествахъ во Христѣ (Бр. Слов. 1876 г. кн. 2, отд. III, стр. 37).

не въ пользу троеперстія, которымъ у насъ не благословляютъ, а въ пользу двуперстія, какъ думаютъ старообрядцы; по словамъ автора, св. Отець въ исключительномъ случаѣ могъ благословить и троеперстіемъ, не какъ обычнымъ святительскимъ благословляющимъ перстосложеніемъ, а какъ перстосложеніемъ чрезвычайнымъ, исключительнымъ, подобно тому, какъ родители несвященнаго сана благословляютъ дѣтей троеперстнымъ перстосложеніемъ; а главное дѣло въ томъ, что о благословеніи Мелетіевомъ говорится только въ нашихъ русскихъ спискахъ Мелетіева свидѣтельства; въ подлинныхъ же сочиненіяхъ блаж. Θεодорита, въ его исторіи, изъ которой заимствовано сказаніе о св. Мелетіи, ничего не говорится ни о благословеніи, ни о чудѣ, послѣдовавшемъ за благословеніемъ; мало этого: по свидѣтельству Θεодорита и другихъ греческихъ историковъ, св. Мелетій слагалъ персты не для наученія молитвенному и благословляющему перстосложенію, а для изложенія ученія о единосущіи лицъ Св. Троицы, и притомъ слагалъ такъ, что его перстосложеніе не похоже ни на старообрядческое двуперстіе, ни на православное троеперстіе; по словамъ греческихъ историковъ, св. Отець на соборѣ показалъ сначала три перста, потомъ одинъ— для изображенія единосущной Троицы. На вопросъ старообрядца: кому же послѣ этого вѣрить—Θеодоритову ли свидѣтельству, или свидѣтельству нашихъ старыхъ книгъ о Мелетіевомъ благословеніи, авторъ „Весѣдъ“ говоритъ, что въ Θεодоритовомъ свидѣтельствѣ о св. Мелетіи нужно чтить историческую истину и вѣрить этому свидѣтельству, какъ подлинному свидѣтельству о томъ, какъ именно изложилъ св. Мелетій ученіе о единосущіи трехъ лицъ Св. Троицы, выразивъ тремя перстами ученіе о трехъ ипостасяхъ и однимъ перстомъ ученіе о единосущіи трехъ лицъ Св. Троицы; въ Мелетіевомъ же свидѣтельствѣ, по старымъ русскимъ рукописямъ и книгамъ, нужно уважать древнее свидѣтельство нашей отечественной церкви о перстосложеніи, по однимъ спискамъ—именословномъ для благословенія, а по другимъ—о троеперстіи для крестнаго знаменія (стр. 92—111). Нельзя не сознаться, что многія изъ сообра-

женій автора относительно Мелетіева свидѣтельства напоминаютъ разсужденіе о томъ же предметѣ покойнаго митрополита Григорія ¹⁾; но нѣкоторыя стороны этого спорнаго свидѣтельства освѣщены авторомъ „Бесѣдъ“ полнѣе и правильнѣе.

Не касаясь 6-й бесѣды, въ которой авторъ разбираетъ приводимыя старообрядцами въ пользу двуперстія свидѣтельства Петра Дамаскина, Максима Грека и др. и въ которой мы не нашли ничего новаго, — за исключеніемъ замѣчанія автора о томъ, что если слѣдовать Максиму свидѣтельству буквально, то придется допустить, что ученый грекъ заповѣдывалъ перстосложеніе „странное, никѣмъ не употребляемое“, такъ какъ, требуя совокупленія трехъ перстовъ: „сирѣчь пальца и еже отъ средняго и малаго, и протяженія долгаго и средняго“, онъ, очевидно, подъ тремя перстами разумѣетъ большой палецъ, малый и *указательный*, какъ *меньшій* изъ близосреднихъ, потому что безымянный, подъ именемъ *долого*, вмѣстѣ съ среднимъ долженъ быть протянуть ²⁾, — скажемъ нѣсколько словъ о седьмой и послѣдней бесѣдѣ, въ которой авторъ объясняетъ смыслъ и значеніе рѣзкихъ выраженій о двуперстіи, находящихся въ полемическихъ сочиненіяхъ православныхъ писателей, особенно конца XVII и первой половины XVIII столѣтія. Считаю лишнимъ говорить о томъ, какъ смотрятъ на эти выраженія старообрядцы и какъ пользуются они ими для своихъ сектантскихъ цѣлей. Составитель извѣстнаго „окружнаго посланія“ указываетъ на „жестокословныя порицанія“, какъ на одну изъ причинъ, удерживающихъ старообрядцевъ отъ соединенія съ Церковію ³⁾. „Въ настоящее время, говоритъ „Братское Слово“ ⁴⁾, у старообрядцевъ существуютъ даже цѣлыя тетради съ выписками содержащихся въ полемическихъ сочиненіяхъ укоризненныхъ отзывать

¹⁾ Истинно древн. Хр. Церков. ч. 2, стр. 53—62.

²⁾ По ошибкѣ, въ „Бесѣдахъ“ сказано: *принуть* (стр. 115; снес. стр. 1V). На эту неточность выраженій Максимова свидѣтельства обратилъ вниманіе еще покойный митр. Григорій (Ист. древн. Хр. Ц. 2, стр. 69), но разумѣлъ подъ выраженіемъ: „еже отъ средняго“ безымянный перстъ.

³⁾ Окр. посл. Яссы, 1864 г. л. 10 и 11.

⁴⁾ 1875 г. кн. 2, отд. II, стр. 143.

о двуперстии и распространяются въ большомъ количествѣ, какъ съ успѣхомъ употребляемое средство къ совращенію въ расколь тѣхъ изъ членовъ православной церкви, которые питаютъ расположеніе къ такъ называемымъ старымъ обрядамъ¹⁾. Съ цѣлію большаго распространенія подобныхъ выписокъ между старообрядцами и православными, раскольники въ 1873 году даже напечатали за границей, во Львовѣ, составленный въ мастерской владыки Антонія однимъ изъ самыхъ главныхъ старообрядческихъ начетчиковъ и писателей, Онисимомъ Швецовымъ, сводъ „жестокословныхъ порицаній“ на двуперстіе въ особомъ сборникѣ „о сложеніи перстовъ для крестнаго знаменія“¹⁾. Какъ видно изъ „Бесѣдъ“, и кишиневскіе старообрядцы вполне солидарны въ этомъ отношеніи съ своими единовѣрцами другихъ мѣстъ Россіи. На первой же бесѣдѣ въ кишиневской семинаріи (5 окт. 1875 г.) одинъ изъ старообрядцевъ (пріѣзжій изъ Чернигова) обратился къ преосвященному Павлу съ слѣдующими словами:

«Вы желаете склонить насъ отказаться отъ нашего ученія; желаніе это—слишкомъ позднее; мы зашли въ такую трущобу, выйти изъ которой уже нельзя намъ; нужно было бы подумать объ этомъ раньше; притомъ же мы—люди темные, и если что говоримъ ошибочно, то это намъ извинительно; а вотъ вашимъ-то святителямъ не извинительно. Димитрій Ростовскій, членъ церкви, обозвалъ Спасителя равноухимъ»²⁾.

И затѣмъ изъ слѣдующихъ бесѣдъ не проходило *ни одной* безъ того, чтобы кишиневскіе старообрядцы не указали, кстати или не кстати, и на рѣзкія выраженія о содержимыхъ ими обрядахъ, и особенно о двуперстии, встрѣчающіяся въ нашихъ полемическихъ книгахъ³⁾; а по словамъ одного изъ участниковъ въ этихъ бесѣдахъ со стороны православныхъ, о. Григорія Милкина, православныя полемическія сочиненія съ „жестокословными порицаніями“ на содержимые раскольниками обряды вожаки старообрядческіе называютъ не иначе, какъ „оружіемъ, которое, по ихъ мнѣнію, изго-

¹⁾ Обстоятельный разборъ этого сборника см. въ первой книжкѣ «Братскаго Слова» за 1876 г. отд. III, стр. 18—51.

²⁾ Кишин. еп. вѣдом. 1875 г. № 19, стр. 716.

³⁾ Тамъ же, 1876 г. № 3, стр. 112—113.

товлено церковію православною для пораженія самой себя“ ¹⁾). Въ виду всего сказаннаго понятно, съ одной стороны, ходатайство предъ Св. Синодомъ Братства св. Петра митрополита о новомъ изданіи въ свѣтъ этихъ сочиненій, съ исправленіемъ, или, по крайней мѣрѣ, объясненіемъ тѣхъ мѣстъ и выраженій въ нихъ, которыми смущаются старообрядцы, толеуя ихъ неправильно, — ходатайство, уваженное Св. Синодомъ ²⁾), хотя, къ сожалѣнію, доселѣ остающееся безъ послѣдствій, — съ другой — появленіе въ разсматриваемой нами книжкѣ отдѣльной бесѣды о рѣзкихъ выраженіяхъ о двуперстіи, находящихся въ нѣкоторыхъ полемическихъ сочиненіяхъ противъ раскола. Нельзя сказать, чтобы въ этой бесѣдѣ авторъ сообщилъ что либо новое въ объясненіе „жестокословныхъ порицаній“ на двуперстіе, сравнительно съ тѣмъ, что уже сказано по этому вопросу въ „истинно древней и истинно православной Церкви“ покойнаго митрополита новгородскаго и с.-петербургскаго Григорія ³⁾ и въ сочиненіяхъ другихъ православныхъ писателей ⁴⁾; тѣмъ не менѣе безъ этой бесѣды вопросъ о перстосложеніи для крестнаго знаменія былъ бы разсмотрѣнъ въ „Бесѣдахъ православнаго съ старообрядцемъ“ не вполне примѣнительно къ требованіямъ и нуждамъ старообрядцевъ, и она служитъ самымъ естественнымъ заключеніемъ всего прежде сказаннаго.

На ряду съ несомнѣнными достоинствами встрѣчаются въ разсматриваемыхъ нами „Бесѣдахъ“ и нѣкоторые недостатки, хотя впрочемъ очень незначительные.

Такъ, напр., авторъ выдаетъ за несомнѣнную истину мысль, что троеперстіе имѣетъ апостольское происхожденіе (стр. 2, 11 и 13); а между тѣмъ это — не болѣе, какъ предположеніе, хотя и весьма правдоподобное. Тѣ основанія, на которыхъ авторъ утверждаетъ

¹⁾ Кнш. еп. вѣд. 1875 г. № 15, стр. 533.

²⁾ Церк. Вѣстн. 1875 г. № 5, стр. 15.

³⁾ Ч. 2, стр. 99—109, изд. 1859 г.

⁴⁾ См. особенно статьи: о Филарета (Душенпол. Чт. 1871 г. февр., изв. и зам. стр. 61—64), «Истина» (кн. XXVIII, стр. 62—66), о игумена Павла въ первой книжкѣ (отд. III, стр. 43—49) «Братскаго Слова» за 1876 годъ.

свою мысль о томъ, что троеперстіе есть неписанное апостольское преданіе (стр. 11—14), намъ кажутся недостаточными для этой цѣли, или вѣрнѣе: слова блаж. Августина: „что содержитъ *вся* церковь и что безъ всякаго соборнаго постановленія содержалось въ ней *всегда*, то по всей справедливости мы почитаемъ преданнымъ отъ апостоловъ“, не могутъ имѣть строгаго приложенія къ троеперстію. Правда, авторъ увѣряетъ, что „нельзя указать въ исторіи времени, когда бы всѣ мѣстныя православныя церкви, составляющія каеолическую восточную церковь: Константинопольская, Александрійская, Антиохійская и др., не крестились троеперстно“ (стр. 12): но этому увѣренію противорѣчатъ приведенныя самимъ авторомъ свидѣтельства Златоуста и др. о томъ, что въ IV вѣкѣ на Востокѣ и на Западѣ многіе православные христіане совершали на себѣ крестное знаменіе однимъ перстомъ, а равно свидѣтельство Или, несторіанскаго митрополита Дамаска, о томъ, что въ IX вѣкѣ, а по словамъ автора (стр. 9 и 10) даже и раньше, въ Сирійской церкви употреблялось православными и двуперстіе для крестнаго знаменія; значить, о „*непрерывномъ* содержаніи троеперстія всѣми православными церквами Востока“ (стр. 13), въ чемъ авторъ, на основаніи вышеприведенныхъ словъ Августина, видитъ „печать апостольскаго происхожденія троеперстія“, не можетъ быть и рѣчи.

Говоря объ употребленіи древними христіанами для крестнаго знаменія одного перста, авторъ замѣчаетъ: „вѣроятнѣе всего, указательнаго“ (стр. 5). По нашему мнѣнію, вѣроятнѣе, что древніе христіане изображали на себѣ (и притомъ на отдѣльныхъ членахъ тѣла, на челѣ, на устахъ, на груди и пр.) крестное знаменіе перстомъ не указательнымъ, а большимъ; на это предположеніе указываютъ слѣдующія слова одного латинскаго писателя XVI вѣка: „крестъ Христовъ изображается тройко: во первыхъ, однимъ перстомъ, т. е. пальцемъ, **наклонивъ** нѣсколько къ пальцу указательный и какъ бы оперевъ на него. Этотъ способъ по большей части соблюдается тогда, когда сіе спасительное знаменіе описываемъ на

челѣ, устахъ и персяхъ“¹⁾). Очевидно, іезуитъ Іаковъ Гретсеръ указываетъ въ приведенныхъ словахъ на сохранившійся въ Римской церкви отъ лѣтъ древнихъ обычай совершать крестное знаменіе однимъ и именно большимъ перстомъ. На тотъ же обычай указываетъ и Левъ Аллаций, говоря, что Латиняне, послѣ совершенія крестнаго знаменія, полагаютъ большой палецъ на указательный и лобызаютъ его, прикладывая къ устамъ²⁾). Употребляя для крестнаго знаменія большой перстъ, древніе христіане могли совершать это спасительное дѣйствіе почти незамѣтно для язычниковъ, которые въ другомъ какомъ либо сложеніи перстовъ могли, пожалуй, найти поводъ обвинять христіанъ въ суевѣрія, или въ волшебствѣ.

Доказывая превосходство троеперстія предъ другими перстосложеніями—одноперстіемъ и двуперстіемъ, авторъ, между прочимъ, говоритъ: „троеперстіе мы встрѣчаемъ исключительно у православныхъ христіанъ“ (стр. 10). Очевидно, авторъ не обратилъ вниманія на то, что троеперстіе долго употреблялось въ Римской церкви уже послѣ того, какъ она отдѣлилась отъ восточной³⁾, вслѣдствіе чего раскольники и называютъ его латинскимъ перстосложеніемъ.

Говоря о московскомъ Соборѣ 1667 года, авторъ утверждаетъ, что присутствовавшіе на немъ восточные патріархи Паисій Александрійскій и Макарій Антиохійскій имѣли полномочіе и остальныхъ двухъ патріарховъ (стр. 13). Въ цѣляхъ полемическихъ такая рѣчь, быть можетъ, и выгодна, но съ научной точки зрѣнія не справедлива. Послѣ того, какъ обнародованы письма этихъ патріарховъ⁴⁾ къ іерусалимскому патріарху Нектарію и константинопольскому Діонисію, долго существовавшая въ нашей литературѣ мысль, будто бы Ма-

¹⁾ Iacobi Gretseri, societatis Iesu Theologi, Opp. Omn. tom. 1, de Sancta cruce. Ratisbonae, 1734, lib. IV, cap. 1 pag. 338.

²⁾ Allatii de ecclesiae occidentalis atque orientalis perpetua consensione. Coloniae Agrippinae, 1648, l.b. III, cap. 18, n. 16, pag. 1359.

³⁾ См. свидѣтельства объ этомъ въ Прав. Собес. 1869 г. ч. 2, стр. 327—8 снес. 1863, ч. 1, стр. 109—122.

⁴⁾ Дѣло патр. Никона, Н. Субботина, стр. 244—249.

карий и Паисій имѣли полномочіе и отъ остальныхъ патріарховъ, должна быть оставлена навсегда.

Говоря о свидѣтельствѣ въ пользу троеперстія Никифора Панагіота, авторъ на замѣчаніе старообрядца о томъ, что Панагіотъ говоритъ въ пользу старообрядческаго двуперстія, отвѣчалъ обѣщаніемъ „разсмотрѣть это свидѣтельство въ тѣхъ выраженіяхъ, которыя говорятъ въ пользу“ старообрядцевъ (стр. 17), но обѣщанія своего почему-то не исполнилъ. Жаль — тѣмъ болѣе, что доселѣ большинство православныхъ писателей толкуетъ это свидѣтельство неправильно, полагая, будто бы Панагіотъ укорялъ азимита за употребленіе имъ двуперстія ¹⁾, съ чѣмъ согласенъ и авторъ „Бесѣдъ“ (стр. 46), тогда какъ греческій философъ упрекалъ латинянина за троеперстіе, только неправильно имъ употребляемое. Дѣло въ томъ, что церковь латинская, издревле употреблявшая, по примѣру церкви греческой, для крестнаго знаменія три первыхъ перста, со временемъ стала слагать эти персты не такъ, какъ дѣлаемъ это мы нынѣ и какъ слагали ихъ греки въ XIII вѣкѣ, именно: латиняне употребляли для крестнаго знаменія три первыхъ перста не сложенными, или соединенными концами вмѣстѣ, для чего указательный и средній нужно согнуть, но простертыми, причемъ большой палецъ или заключался внутрь сжатыхъ — указательнаго и средняго, или даже стоялъ отдѣльно отъ нихъ, вслѣдствіе чего крестное знаменіе совершалось не всѣми тремя перстами совокупно, а сперва (при положеніи руки на чело) двумя перстами — указательнымъ и среднимъ, а за тѣмъ (при перенесеніи руки на животъ и перси) однимъ перстомъ, именно большимъ пальцемъ, и притомъ только „внѣшнюю страну“, т. е. ногтемъ ²⁾. За такое-то троеперстіе и упрекалъ Панагіотъ азимита, говоря: „и по что не *соибаеши* три персты“?

Въ числѣ свидѣтельствъ, которыя говорятъ объ употребленіи троеперстія въ древней русской Церкви, авторъ указываетъ на по-

¹⁾ Прав. Соб. 1869 г. ч. 2, стр. 330 и 332; о Феодорит. словѣ, стр. 56—57 в. 100; Брат. Сл. 1875 г. кн. 1, отд. II, стр. 36.

²⁾ Бесѣд. прум. Павла, 1871 г., стр. 247—251; снес. Прав. Собес., 1863 г. ч. 1, стр. 128—129.

мѣщенное въ іюньской книгѣ Макарьевскихъ Четь-миней преніе Никифора Панагіота съ азимитомъ, о которомъ мы только-что говорили, и называется это преніе „свидѣтельствомъ митрополита Макарія, предсѣдательствовавшего на Стоглавомъ соборѣ“ (стр. 21). По нашему мнѣнію, такой взглядъ на дѣло не правиленъ, и на основаніи находящихся въ Четь-минейхъ статей приписывать митрополиту Макарію то или другое мнѣніе значить забывать, что Четь-миней писалъ митрополитъ Макарій „многими различными писарями“¹⁾, часто вносящими въ книги статьи объ одномъ и томъ же предметѣ не только несходныя по содержанію, но даже противорѣчивыя. Вотъ примѣръ. Извѣстно, что въ августовской книгѣ Четь-миней находится ясное и рѣшительное наставленіе трегубить, а не сугубить аллилуію. На этомъ основаніи долго думали, что митрополитъ Макарій училъ о трегубой аллилуіи, и даже утверждали, что онъ, какъ предсѣдатель Стоглаваго собора, не могъ согласиться на опредѣленіе о сугубой аллилуіи, находящееся въ книгѣ Стоглавникѣ; а между тѣмъ оказывается²⁾, что въ Четь-минейхъ Макарія (подъ 15 мая) находится и извѣстное житіе преподобнаго Евфросина, написанное клирикомъ Василиемъ, въ которомъ сугубая аллилуія трактуется, какъ величайшая тайна, безъ которой невозможно спасеніе³⁾. Въ виду сказаннаго, намъ думается, что справедливе и безошибочне свидѣтельства, взятые изъ Макарьевскихъ Четь-миней, называть свидѣтельствами этихъ, во всякомъ случаѣ, уважаемыхъ старообрядцами, книгъ, а не митрополита Макарія.

Излагая свидѣтельство въ пользу троеперстія—Посошкова, ав-

¹⁾ Прав. Соб. 1862 г. ч. 1, стр. 164.

²⁾ Хр. Чтен. 1873 г., Апрѣл. стр. 640—1.

³⁾ Наша наивная старина, предъ которою такъ благоговѣютъ старообрядцы, иногда доходила до такой простоты, что помѣщала статьи съ различнымъ ученіемъ объ одномъ и томъ же предметѣ даже въ одной книгѣ. Издатели такъ называемой книги Кирилловой, несомнѣнно приверженцы двуперстія, помѣстившіе въ 14 главѣ ясное ученіе о немъ, въ 26-й главѣ напечатали преніе Панагіота съ азимитомъ—съ ученіемъ о троеперстіи (Вес. стр. 46).

торь слѣдовалъ во всемъ статьѣ архимандрита (нынѣ епископа уфимскаго) Никанора ¹⁾, а между тѣмъ не поцитовалъ этой статьи. Это обстоятельство, само по себѣ неважное, — такъ какъ въ началѣ „Бесѣдъ“ указаны литературные труды преосвященнаго Никанора, которыми пользовался авторъ, — можетъ однакоже повести къ важнымъ послѣдствіямъ. Дѣло въ томъ, что пр. Никаноръ пользовался при написаніи своей статьи: „вопросъ о перстосложеніи для крестнаго знаменія и благословенія по нѣкоторымъ новоизслѣдованнымъ источникамъ“ не печатнымъ „Зерцаломъ“ Посошкова, изданнымъ г. Погодинымъ, а рукописнымъ, находящимся нынѣ въ библиотекѣ казанской духовной академіи, которое, представляя первоначальную редакцію полемическаго труда Посошкова и во многомъ отличаясь отъ изданнаго г. Погодинымъ *зерцала* — краткой редакціи ²⁾, разнится отъ него и въ томъ свидѣтельствѣ, которое взято авторомъ „Бесѣдъ“ изъ вышеуказанной статьи пр. Никанора. Разность эта состоитъ въ указаніи времени, когда Посошковъ бесѣдовалъ о сложеніи перстовъ для крестнаго знаменія съ двумя наититыми стариками, сообщившими ему, что „изъ младенчества“ они научены были креститься тремя перстами, а незадолго до московскаго мороваго повѣтрія (1655 г.) стали учить ихъ креститься двумя перстами. По рукописному зеркалу обширной редакціи, Посошковъ велъ эту бесѣду „не нынѣ (т. е. не въ то время, когда писалъ свою книгу, а зеркало писано въ концѣ 1708 и въ началѣ 1709 года), но близъ *двадцати* лѣтъ уже пройде“, а по печатному зеркалу: „не нынѣ, но тому больше *пятнадцати* лѣтъ“ ³⁾. Строго говоря, разность эта не значительна и не можетъ ни говорить противъ исторической достовѣрности свидѣтельства Посошкова, ни умалять значенія этого свидѣтельства; тѣмъ не менѣе, зная уловки вожаковъ раскольническихъ, старающихся всякую неточность и неопредѣленность въ сочиненіяхъ православныхъ писателей обратить въ дока-

¹⁾ Прав. Собес. 1870 г. ч. 1, стр. 220—21.

²⁾ Хр. Чтен. 1875 г. Янв. стр. 63—67.

³⁾ Сочин. Посошк. ч. 2, стр. 217.

зательство неправильности ихъ ученія, мы совѣтовали бы автору „Бесѣдъ“ объяснить эту разность, или, по крайней мѣрѣ, указать статью, изъ которой онъ заимствовалъ свѣдѣнія о свидѣтельствѣ Посошкова; въ противномъ случаѣ раскольничьи вожаки, указавъ своимъ послѣдователямъ на то, что въ печатномъ зеркалѣ, которое, безъ сомнѣнія, имъ болѣе извѣстно, чѣмъ рукописный экземпляръ его, находящійся нынѣ въ библіотекѣ казанской академіи, вмѣсто „двадцати“ стоитъ „пятнадцать“, обзовутъ эту разность „натягательствомъ“ со стороны автора „Бесѣдъ“ и тѣмъ подорвутъ въ нихъ довѣріе и ко всѣмъ его „Бесѣдамъ“.

Говоря о посланіи патріарха Іова къ грузинскому митрополиту Николаю, на которое сослался старообрядецъ въ защиту своего двуперстія, авторъ „Бесѣдъ“, вслѣдъ за преосв. Никаноромъ, доказываетъ неподлинность въ этомъ посланіи свидѣтельства о двуперстіи тѣмъ, что до сихъ поръ не извѣстны ни бѣловой подлинникъ посланія, отправленнаго патріархомъ въ Грузію, ни черновой отпускъ, съ котораго списано бѣловое посланіе, и что въ современныхъ патріарху Іову литературныхъ памятникахъ, находящихся въ московскихъ книгохранилищахъ, копій этого посланія пока не найдено; а то обстоятельство, что это посланіе читается въ сборникахъ старообрядческихъ, по мнѣнію автора, говоритъ скорѣе не въ пользу его подлинности (стр. 27). Не говоря уже о томъ, что въ настоящемъ случаѣ авторъ „Бесѣдъ“ пошелъ дальше своего руководителя, который подвергъ вопросу подлинность не цѣлаго посланія Іова, а только свидѣтельства его въ этомъ посланіи о перстосложеніи ¹⁾, не говоря и о томъ, что въ былое время почти тѣми же соображеніями доказывали неподлинность книги Стоглавъ, которая однако же въ послѣднее время признана наукою несомнѣнно подлинною ²⁾,—мы считаемъ долгомъ замѣтить, что нѣкоторыя изъ вышеуказанныхъ положеній автора „Бесѣдъ“ даже не вполне справедливы. Въ „Обзорѣ русской духовной литературы“ архіепископа черниговскаго Филаре-

¹⁾ Прав. Соб. 1870 г. ч. 2, стр. 215.

²⁾ Ист. русской Цер. Макарія архіеп. литовскаго, том. VI, кн. 1, стр. 220.

та ¹⁾ прямо сказано, что въ рукописяхъ синодальной библіотеки находятся два обширныя посланія патріарха Іова въ Грузію. Съ другой стороны, въ 1869 году посланіе Іова къ грузинскому митрополиту Николаю напечатано въ „Христіанскомъ Читеніи“ по рукописи (№ 1475) новгородской Софійской (нынѣ академической) библіотеки. Правда, сборникъ, въ которомъ г. Барсовъ нашелъ изданное имъ посланіе Іова, не исправенъ и относится къ XVII вѣку; но изъ этого же неисправнаго сборника археографическая коммиссія взяла и напечатала (въ 1 т. Истор. Акт. № 227) посланіе того же Іова къ грузинскому царю Александру, и однако же подлинность этого посланія не подвергается сомнѣнію; а XVIII вѣкъ, къ которому относится сборникъ Софійской библіотеки, — самый близкій ко времени появленія посланія Іова, посланнаго грузинскому митрополиту въ концѣ XVI вѣка. То обстоятельство, что настоятелю Свіяжскаго монастыря, архимандриту Мартирію, приходилось читать это посланіе Іова въ раскольническихъ сборникахъ еще въ тридцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія ²⁾, насъ нисколько не удивляетъ; на это посланіе раскольники ссылались, въ защиту своего двуперстія, еще въ первой четверти прошлаго столѣтія ³⁾; выводять же изъ этого обстоятельства то заключеніе, что посланіе это не подлинно, или, по крайней мѣрѣ, повреждено въ томъ мѣстѣ, гдѣ говорится о перстосложеніи, значитъ, по нашему мнѣнію, по меньшей мѣрѣ, обнаруживать въ себѣ желаніе продолжать то отношеніе къ памятникамъ старины, за которое такъ жестоко, хотя и не вполне справедливо ⁴⁾, осуждалъ въ свое время духовную науку издатель „наказныхъ списковъ соборнаго уложенія 1551 года, или Стоглава“ (стр. 3). По нашему мнѣнію, вопросъ о подлинности или неподлинности разсматриваемаго посланія Іова долженъ быть рѣшаемъ не на основаніи указанныхъ авторомъ „Бесѣдъ“ чисто отрицательныхъ

¹⁾ Том. I, стр. 303.

²⁾ Прав. Соб. 1870 г. ч. 2, стр. 212.

³⁾ Поморск. отв. 5, § 70; описаніе раск. соч. ч. 2, стр. 207.

⁴⁾ Прав. Соб. 1863 г. ч. 1, стр. 328—9.

данныхъ, а путемъ тщательнаго изученія этого памятника старины по рукописямъ разныхъ книгохранилищъ.

Большаго значенія заслуживаютъ, при рѣшеніи вопроса о неподлинности свидѣтельства Гова о перетосложеніи, соображенія автора, основанныя на „грамматико-логическомъ построеніи“ этого свидѣтельства — нестройномъ, безграмотномъ, представляющемъ, по выраженію преосв. Никанора, „малообдуманную сумятицу словъ и понятій“ ¹⁾. Но, по нашему мнѣнію, и этотъ приемъ исторической критики требуетъ отъ изслѣдователя большой осмотрительности и осторожности; въ противномъ случаѣ легко впасть въ ошибки и признать неподлиннымъ несомнѣнно подлинный памятникъ старины — только потому, что онъ не подходитъ подъ требованія нашихъ — логики и грамматики. Пояснимъ это примѣромъ. По сознанію автора „Бесѣдъ“, и правило Стоглава о перетосложеніи изложено запутанно, разнорѣчиво, даже противорѣчиво (стр. 53), или, какъ выразился соборъ 1667 года, писано „неразсудно, простотою и невѣжествомъ“ ²⁾; и однако же это обстоятельство, служившее въ былое время однимъ изъ основаній къ признанію книги Стоглавъ неподлиннымъ произведеніемъ отцовъ Стоглаваго собора, въ наши дни считается недостаточнымъ для этой цѣли ³⁾. Или, напримѣръ: трудно найти между памятниками старины что-либо безтолковѣе и бессмысленнѣе той части житія преп. Евфросина, въ которой изложено толкованіе аллилуіи, сдѣланное будто бы Богородицею ⁴⁾; и однако же митр. Макарій внесъ это толкованіе въ свои Четь-минеи, а Стоглавый соборъ на немъ главнымъ образомъ утвердилъ свое опредѣленіе о сугубой аллилуіи. Вообще, судить о старинѣ по понятіямъ нашего времени значитъ забывать, что всему свое время; а вѣкъ XVI не даромъ называютъ вѣкомъ темнымъ. Намъ думается,

¹⁾ Прав. Соб. 1870 г. ч. 2, стр. 343.

²⁾ Дополн. къ акт. истор. т. V, стр. 487.

³⁾ Прав. Соб. 1862 г. кн. 3, стр. 327—3; Истор. русской Цер. Архив. Макарій, т. VI, кн. 1, стр. 233—8; т. VIII, стр. 94—6.

⁴⁾ Истор. русск. раск. Макарій, стр. 42.

что разборъ свидѣтельства патр. Іова о перстосложеніи (пока не будетъ рѣшенъ вопросъ о его подлинности) будетъ достигать своей цѣли и въ томъ случаѣ, если ограничится указаніемъ на противорѣчіе этого свидѣтельства какъ Стоглаву, изъ котораго составитель посланія заимствовалъ свое наставленіе о двуперстіи, что авторъ „Бесѣдъ“ и сдѣлалъ (стр. 28), такъ и другимъ памятникамъ старины, на которые ссылаются старообрядцы въ защиту своего перстосложенія. По словамъ уважаемыхъ раскольниками книгъ: Кирилловой книги и Іосифовскихъ псалтирей, „вышній“ т. е. указательный перстъ, означаетъ Божество І. Христа, а великосредній (нѣсколько нагнутый) — человекъство Его; а по свидѣтельству посланія Іова, „стоящій“, т. е., очевидно, указательный перстъ означаетъ человекъство Христово, такъ какъ онъ указываетъ вознесеніе Господне, которое совершилось не по божеству вездѣсущему, а по человекъству; а средній, согнутый — божество Христово, которымъ Онъ, преклонивъ небеса, сошелъ на землю. Такое толкованіе двухъ перстовъ, подтверждая справедливость замѣчанія знаменитаго старообрядческаго начетчика, покойнаго Семена Семенова, о томъ, что въ псалтиряхъ и Кирилловой книгѣ допущена *ошибка* ¹⁾ въ то же время несомнѣнно показываетъ, что старообрядцы сильно грѣшатъ, считая книги, изданныя въ патріаршество Іосифа, непогрѣшимыми, чуждыми всякаго „зазора и новинки“ ²⁾.

На страницахъ 32—34, разбирая свидѣтельство о перстосложеніи Большаго Катихизиса, авторъ „Бесѣдъ“ говоритъ, между прочимъ, что не только въ Катихизисѣ, но и въ Стоглавѣ первоначально излагалось православное *троеперстіе* (снес. стр. 53), и только впоследствии правило о перстосложеніи искажено приверженцами двуперстія и обращено въ правило о двуперстіи, и что въ Кіевской митрополіи, гдѣ первоначально написанъ былъ Большой Катихизисъ, *все* крестились тремя перстами. Первое предпо-

¹⁾ Бр. Слов. 1876 г. кн. 1, отд. III, стр. 27; снес. Бесѣд. о игум. Павла, 1863 г. л. 63.

²⁾ Истор. Солов. обит. стр. 188, изд. 1844 г.

ложение автора не опирается ни на какія фактическія данныя, а вторая мысль его ограничивается нѣкоторыми изданными, или, по крайней мѣрѣ, написанными въ Кіевской митрополіи книгами, въ которыхъ излагается ученіе о двуперстіи ¹⁾. По нашему мнѣнію, авторъ сдѣлалъ бы лучше, если бы, вмѣсто сомнительныхъ предположеній, обратилъ вниманіе на толкованіе, какое дается въ томъ отвѣтѣ Большаго Катихизиса, въ которомъ старообрядцы стараются найти подтвержденіе своему двуперстію, положенію руки на чело, животъ и проч., и на которомъ доселѣ никто еще не останавливался. Поэтому толкованію, положеніе перстовъ на челѣ „знаменуетъ, яко *Отецъ* начало есть всего божества, отъ Него же прежде вѣкъ *Сынъ* родился, той же въ послѣдняя лѣта преклонь небеса снуде на землю и бысть человекъ“; положеніе перстовъ на животъ „знаменуетъ еже въ пречистой утробѣ пресвятыя Дѣвы Богоматере безсѣмное зачатіе Его, осѣненіемъ Святаго *Духа* явственнo возвѣщаетъ“ и т. д. Это толкованіе, никоимъ образомъ неприложимое къ двуперстію и потому въ извѣстномъ свидѣтельствѣ Максима грека передѣланное (съ опущеніемъ словъ: „осѣненіемъ Св. Духа“) до безсмыслицы, а въ книгѣ Кирилловой (л. 180), въ псалтыряхъ (л. 35—6), въ Книгѣ о Вѣрѣ (л. 74) и въ Маломъ Катихизисѣ (л. 17) замѣненное другимъ, не только прямо указываетъ на троеперстіе, „показующее велию тайну вѣры христіанскія“, о которомъ сказано въ предъидущемъ отвѣтѣ Большаго Катихизиса, но и рѣшительно опровергаетъ мнѣніе старообрядцевъ, будто бы нельзя креститься тремя перстами во имя Св. Троицы: Отца и Сына и Святаго Духа.

На страницѣ 37 авторъ, на основаніи нѣкоторыхъ священныхъ изображеній на стѣнахъ константинопольскаго Софійскаго собора, утверждаетъ, что въ VI вѣкѣ, къ которому относятся эти изображенія, „троеперстное сложеніе было во всеобщемъ употребленіи среди грековъ“; какъ будто автору не извѣстно, что свидѣтельства

¹⁾ См. объ этихъ книгахъ въ Прав. Соб. 1869 г. ч. 2, стр. 312—314; о Теодорит. словѣ, стр. 117, 157—9 и др.

объ употребленіи въ греческой церкви одноперстія до VII вѣка включительно ¹⁾).

На страницѣ 40 авторъ говоритъ, что на древней иконѣ святителей ростовскихъ: Леонтія, Исаія и Игнатія, находящейся въ московскомъ Успенскомъ соборѣ, у *двухъ* святителей на правой рукѣ три первые перста сложены вкупѣ, а послѣдніе два пригнуты къ ладони; а у о. Виноградова, изъ книги котораго взято это свѣдѣніе, говорится, что такъ сложены персты у *всѣхъ* трехъ святителей ²⁾; правда, въ статьѣ преосв. Никанора ³⁾ мы находимъ тоже, что и у автора разсматриваемыхъ „Бесѣдъ“; но это обстоятельство не освобождало автора „Бесѣдъ“ отъ необходимости провѣрить разнорѣчивыя показанія своихъ руководителей, основанныя ими на одномъ и томъ же сочиненіи: „древнія святыни Ростова“ — графа М. Толстаго.

На страницѣ 72 слова: „старообрядцевъ“, „старообрядства“, не точны и, по нашему мнѣнію, должны быть замѣнены словами: „приверженцевъ двуперстія“, такъ какъ въ то время, о которомъ говорится здѣсь, старообрядства въ общепринятомъ смыслѣ не было.

На страницѣ 87 — 88 авторъ утверждаетъ, что Феодоритово слово не во всѣхъ своихъ спискахъ, а только въ нѣкоторыхъ, и притомъ — видимо — *передѣланныхъ, дополненныхъ и искаженныхъ*, говоритъ ясно объ одномъ и томъ же перстосложеніи и для крестнаго знаменія и для священническаго благословенія въ такихъ напр. выраженіяхъ: „*сице благословити рукою и креститися*“, — и что въ древнѣйшихъ своихъ спискахъ это слово говорило только о перстосложеніи для крестнаго знаменія, и именно о троеперстіи. А между тѣмъ извѣстно, что въ древнѣйшемъ изъ извѣстныхъ доселѣ (Досиѣевскомъ) спискѣ слово Феодоритово первоначальной редакціи начинается словами: „*сице благословити и креститися рукою*“, что не безызвѣстно и автору (стр. 89).

¹⁾ Бр. Слов. 1875 г. кн. 1, отд. II, стр. 30—31.

²⁾ О Феодорит. сл. стр. 82.

³⁾ Прав. Соб. 1869 г. ч. 2, стр. 131.

Относительно свидѣтельства Петра Дамаскина авторъ ограничился замѣчаніемъ, что свидѣтельство это не опредѣленно и можетъ быть *истолковано* какъ въ пользу православія, такъ и въ пользу старообрядцевъ, и потому ссылаться на свидѣтельство Петра Дамаскина (монаха XII, а по инымъ VII вѣка), въ подтвержденіе двуперстія, не приходится (стр. 112). Во первыхъ, въ настоящее время изъ православныхъ развѣ только одинъ г. Филищовъ относитъ Петра Дамаскина къ VIII (а не къ VII) вѣку ¹⁾; по общему же мнѣнію другихъ писателей, Петръ Дамаскинъ жилъ въ XII вѣкѣ ²⁾. Во вторыхъ, свидѣтельство этого писателя о перстосложеніи, по нашему мнѣнію, не можетъ быть толкуемо ни въ нашу пользу, ни въ пользу старообрядцевъ, какъ объ этомъ замѣтилъ еще покойный преосв. митрополитъ Григорій ³⁾. Разумѣть подъ двумя перстами, о которыхъ говоритъ Петръ Дамаскинъ, два *послѣдніе* перста, которые въ нашемъ перстосложеніи пригибаются къ ладони и, по мнѣнію нѣкоторыхъ означаютъ два естества въ I. Христѣ, какъ дѣлаютъ это нѣкоторые писатели ⁴⁾, нельзя, потому что Дамаскинъ говоритъ о тѣхъ двухъ перстахъ, которыми въ его время вѣкоторые христіане совершали на себѣ крестное знаменіе ⁵⁾, а два *послѣдніе* перста никогда не употреблялись для крестнаго знаменія. Замѣчаніе о. игумена Павла о томъ, что будто бы слова Дамаскина: „*едина рука*“, могутъ быть приложимы только къ двумъ перстамъ, пригнутымъ къ ладони, и ни въ какомъ случаѣ не приложимы къ двумъ перстамъ простертымъ, неприжатымъ къ рукѣ ⁶⁾, — и само по себѣ странное, — окончательно теряетъ свою силу послѣ того, какъ стало извѣстнымъ свидѣтельство о

¹⁾ «Гражданинъ» 1874 г. № 15, стр. 426.

²⁾ Братск. Слов. 1875 г. кн. 1, отд. II, стр. 34; 1876 г. кн. 3, отд. III, стр. 188—190 и 195—9.

³⁾ Ист. древн. и ист. Прав. Христ. Церк. ч. 2, стр. 52, изд. 1859 г.

⁴⁾ Брат. Слов. 1875 г. кн. 2, отд. II, стр. 191, прим.

⁵⁾ Подлинныя его слова см. въ отв. стар. Никифора Θεотокки, стр. 130—1, изд. 1821 г.

⁶⁾ Воспом., 1871 г. стр. 634—6.

перстосложеніи Мелетія (Пигаса), патриарха александрійскаго, по которому и въ троеперстїи—одна рука есть знакъ единаго Божества, а три перста — знаменіе трехъ ипостасей ¹⁾). Если же къ тремъ, не пригнутымъ къ ладони, а протянутымъ перстамъ могутъ быть приложимы слова: „едина рука“, то съ такою же справедливостію это выраженіе можетъ имѣть приложеніе и къ двумъ простертымъ, а не прижатымъ къ рукѣ перстамъ, о которыхъ говоритъ Петръ Дамаскинъ. Такимъ образомъ толковать свидѣтельство Дамаскина въ нашу пользу нельзя и несправедливо. Но точно также не можетъ это свидѣтельство подтверждать и старообрядческаго перстосложенія, и раскольники напрасно на него ссылаются. Положимъ, что подъ двумя перстами, о которыхъ говоритъ Петръ Дамаскинъ, нужно разумѣть средній и указательный, или, какъ говоритъ издатель греческой Кормчей (πρωτόστον) Никодимъ Святогорецъ, τὸν μέσον καὶ τὸν δείκτηνον ²⁾; тѣмъ не менѣе двуперстіе, которое употребляли для крестнаго знаменія нѣкоторые изъ сирійскихъ христіанъ въ XII вѣкѣ, представляетъ, какъ справедливо замѣтилъ пр. Макарій ³⁾, не то перстосложеніе, котораго держатся наши старообрядцы; Сирійцы крестились двумя перстами, но не слагали при этомъ и трехъ перстовъ; по крайней мѣрѣ Петръ Дамаскинъ говоритъ только о двухъ перстахъ и единой рукѣ—въ знаменіе двухъ естествъ во единомъ лицѣ нашего Спасителя, вовсе не упоминая о сложеніи трехъ перстовъ во имя Св. Троицы; а старообрядцы учатъ слагать для крестнаго знаменія и три перста—во образъ Св. Троицы, и вмѣстѣ два перста — въ знаменіе двухъ естествъ во Христѣ; кромѣ того, Сирійцы слагали два перста только для крестнаго знаменія, а старообрядцы употребляютъ свое двуперстно—троеперстное перстосложеніе не только для крестнаго знаменія, но и для благословенія. Неудивительно послѣ этого, если по-вѣйшіе раскольничьи писатели уже начинаютъ обходить свидѣтель-

¹⁾ Бр. Слов. 1875 г. кн. 2, отд. II, стр. 189.

²⁾ Гражданинъ 1874 г. № 15, стр. 427, прим.

³⁾ Бр. Слов. 1875 г. кн. 1, отд. I, стр. 34—35.

ство Петра Дамаскина, какъ не подтверждающее ихъ перстосложенія, образующаго не только два естества во Христѣ, но и троичность лицъ Божества ¹⁾).

Разбирая свидѣтельство Максима Грека и доказывая его подложность, авторъ, между прочимъ, говоритъ: „есть указаніе въ сочиненіяхъ Максима Грека на то, что онъ разногласилъ касательно перстосложенія съ митрополитомъ Данииломъ — двуперстникомъ“, и приэтомъ ссылается на 372—3 страницы второй части сочиненій преп. Максима (стр. 114). Указанная авторомъ цитата не подтверждаетъ словъ текста, и мысль его, будто бы Максимъ отказался перевести исторію Феодорита, свидѣтельствующаго о еднонерстїи, съ цѣлю предотвращенія новыхъ смуть, которыя могли быть вызваны этимъ перстосложеніемъ на Руси, уже употреблявшей въ то время троеперстїе и двуперстїе, есть не болѣе, какъ предположеніе; Максимъ Грекъ иначе объясняетъ причину своего непослушанія митрополиту.

На страницахъ 118—120, по поводу указанія старообрядца на двуперстное сложеніе *благословляющей* руки Богомладенца—на Тихвинской иконѣ Божіей Матери, авторъ, на основаніи словъ Василія Великаго, начинаетъ трактовать о перстосложеніи *для крестнаго знаменія*; на страницѣ 131-й авторъ говоритъ, что протопопъ Аввакумъ называлъ троеперстїе „развращенною малаксою;“ — такъ называлъ Аввакумъ именованное перстосложеніе, а не троеперстїе ²⁾).

Кромѣ указанныхъ неправильностей встрѣчаются въ „Бесѣдахъ“ видимыя противорѣчія. Такъ въ одномъ мѣстѣ (стр. 59, снес. стр. 53) правило Стоглава о двуперстїи авторъ называетъ не правиломъ собора, а сочиненіемъ малограмотнаго писца, а въ другомъ (стр. 67 и 124) Стоглавъ называетъ сборникомъ *соборныхъ постановленій* и правило его о двуперстїи — правиломъ собора ³⁾).

1) Бр. Слов. 1876 г. кн. 1, отд. III, стр. 37.

2) Опис. раск. соч., ч. 2, стр. 50.

3) Кстати: нельзя не пожалѣть, что авторъ пользовался Стоглавомъ не по Христ. Четв. № 5—6. 1877 г.

Или: на страницѣ 75 авторъ говоритъ, что слово Θεодоритово было составлено съ цѣлю дать народу, при пособіи перстосложенія для крестнаго знаменія, ученіе о двухъ великихъ тайнахъ христіанской вѣры: о Св. Троицѣ и о двухъ естествахъ во Христѣ, и что только впослѣдствіи стали смотрѣть на Θεодоритово слово, по преимуществу, какъ на правило о перстосложеніи для крестнаго знаменія, съ догматическимъ объясненіемъ онаго, приписывая сему объясненію уже второстепенное значеніе; а на страницѣ 81-й авторъ утверждаетъ, что догматическое ученіе имѣло для составителя Θεодоритова слова второстепенное значеніе, а главное значеніе для него имѣло правило о перстосложеніи для крестнаго знаменія. Попадаются иногда въ „Бесѣдахъ“ обмолвки, въ родѣ названія блаженнаго Θεодорита отцемъ церкви (стр. 78), опечатки и, иногда, очень важныя; такъ напр. на страницѣ 95-й (6 строка снизу) въ словахъ: „благословити Божество и человѣчество“, опущенъ предлогъ *εξ*, вслѣдствіе чего подается неправильная мысль.

Мы сочли долгомъ указать всѣ, замѣченные нами въ „Бесѣдахъ“ православнаго съ старообрядцемъ“, недостатки—не потому, чтобы находили ихъ важными, и не съ цѣлю ставить ихъ въ вину почтенному автору,—по нашему мнѣнію, большая часть указанныхъ нами недостатковъ произошла единственно отъ недосмотра и, быть можетъ, поспѣшности, съ какою происходившія публично собесѣдованія съ раскольниками были воспроизведены и напечатаны,—а для того, чтобы показать автору „Бесѣдъ“, что онъ долженъ исправить въ своемъ трудѣ—при второмъ его изданіи, которое, по нашему мнѣнію, несомнѣнно потребуется. Полнота и обстоятельность изслѣдованія и, особенно, простота, ясность и общедоступность изложенія, спокойный и миролюбивый тонъ „Бесѣдъ“ даютъ имъ право быть настольною книгою у всякаго, кто, по своему положенію, обязанъ вести борьбу съ глаголемымъ старообрядствомъ; а такихъ лицъ у насъ—десятки тысячъ. Съ другой стороны, и сами старообрядцы, если они не на сло-

вахъ только, а на самомъ дѣлѣ, ревнуютъ объ истинѣ и спасеніи, не могутъ, по нашему мнѣнію, оставить безъ вниманія „Бесѣдъ“, о которыхъ идетъ рѣчь. Вопросъ, разсматриваемый въ нихъ, такъ важенъ для старообрядцевъ и въ тоже время излагается въ уважаемыхъ ими книгахъ такъ запутанно и противорѣчиво (стр. 143), что было бы грѣхомъ со стороны ревнителей древняго благочестія не воспользоваться сочиненіемъ, хотя бы и „никоніанскимъ“, но написаннымъ съ цѣлю способствовать правильному и безпристрастному рѣшенію его. А въ такомъ случаѣ число читателей „Бесѣдъ“ можетъ простираться до трехъ милліоновъ ¹⁾).

Статья наша была уже въ редакціи, какъ намъ доставили новое изданіе „Бесѣдъ православнаго съ старообрядцемъ“, помѣченное 1877 годомъ. Въ этомъ изданіи, кромѣ 7 бесѣдъ о перстосложеніи для крестнаго знаменія, уже разсмотрѣнныхъ нами, помѣщены предисловіе и три бесѣды о перстосложеніи для благословенія. Въ предисловіи мы нашли, между прочимъ, отвѣтъ на вопросъ: насколько печатныя „Бесѣды“ вѣрны дѣйствительно происходившимъ въ кишиневской семинаріи публичнымъ собесѣдованіямъ съ старообрядцами и кому принадлежитъ окончательная редакція ихъ. Вотъ что говоритъ объ этомъ предметѣ издатель „Бесѣдъ“, г. Пархомовичъ:

«Мы старались по возможности буквально передать тѣ возраженія, какія предлагали намъ старообрядцы. А чтобы дать возможность удобнѣе ознакомиться съ предметомъ бесѣды, мы приводили старообрядческія возраженія въ системѣ, сгруппировали все то, что говорилось объ одномъ и томъ же предметѣ въ различное время. При этомъ мы сочли необходимымъ помѣстить въ печатномъ изданіи бесѣдъ не только тѣ возраженія, которыя были предлагаемы намъ старообрядцами, а также и тѣ, которыхъ старообрядцы во время собесѣдованій не предлагали, а между тѣмъ или возбуждали ихъ въ частныхъ разговорахъ, вѣ мѣста собесѣдованій, или возраженія эти сами собою вытекаютъ изъ хода дѣла и необходимы для большаго уясненія предмета. Съ другой сторо-

¹⁾ Брат. Слов. 1876 г. кн. 3, отд. III, стр. 213.

ны, старообрядческія возраженія, не относящіяся къ предмету, опущены нами... Его преосвященство, преосвященнѣйшій Павелъ, епископъ Кишиневскій и Хотинскій, принимавшій самое дѣятельное участіе въ веденіи бесѣдъ съ старообрядцами, изволилъ принять такое же участіе и въ письменномъ изложеніи ихъ. Бесѣды настоящаго выпуска изложены главнымъ образомъ его преосвященствомъ».

Что касается бесѣдъ о перстосложеніи для благословенія, то въ первой изъ нихъ послѣ краткаго разбора основаній старообрядческаго перстосложенія представлены—свидѣтельство объ употребленіи въ Греціи и на Руси съ древнихъ временъ двухъ перстосложеній: одного для крестнаго знаменія, а другаго для благословенія, и затѣмъ — свидѣтельства въ пользу именованія письменныя и отъ иконъ; вторая бесѣда посвящена главнымъ образомъ разбору и опроверженію старообрядческихъ возраженій противъ именованнаго перстосложенія, въ третьей опровергаются возраженія старообрядцевъ противъ архіерейскаго благословенія обѣими руками. Не входя въ подробное разсмотрѣніе этихъ бесѣдъ, считаемъ достаточнымъ ограничиться слѣдующими общими замѣчаніями: вопросъ о перстосложеніи для благословенія изслѣдованъ авторомъ довольно обстоятельно; всѣ возраженія старообрядцевъ противъ православнаго именованія опровергнуты имъ основательно, мѣтко и иногда въ высшей степени находчиво и остроумно; по языку живому и ясному и по тону миролюбивому (стр. 190) и спокойному бесѣды о перстосложеніи для благословенія ничѣмъ не отличаются отъ бесѣдъ о перстосложеніи для крестнаго знаменія; въ одномъ только мѣстѣ авторъ возвысилъ свой голосъ,—это—по поводу названія старообрядцами именованнаго перстосложенія „херословнымъ“¹⁾. Неумная острота раскольниковыхъ архіереевъ—Антонія московскаго и Пафнутія казанскаго, повторенная старообрядцами на кишиневскихъ собесѣдованіяхъ, вызвала у автора слѣдующую рѣчь:

1) Названіе именованнаго перстосложенія «херословнымъ», или «херословнымъ» явилось въ расколѣ въ недавнее время («Истина», Псков. кн. XXVIII, л. 62); прежде старообрядцы называли его благословеціемъ «литеральнымъ, литерословнымъ, малаксинимъ и т. п.»

«неприлично вамъ повторять глупую остроу вашихъ писакъ: *херословное перстосложеніе*. Наше перстосложеніе не «херословное», а *Иисусо-Христословное*. Почему вы оставили безъ вниманія буквы ІС, означающія *Иисусъ*, и буквы ХС, означающія *Христосъ*, и остановились только на буквѣ Х? Для остроты? Но честно ли это и похвально ли? Вы постоянно жалуетесь, что православные архипастыри обругали имя *Иисусъ* ¹⁾, и мы, не обвиняясь, сказали вамъ, что непочтительно говорить объ имени *Иисусъ* не слѣдуетъ; и ни разу никакого вашего обряда не обругали и не осмѣивали. Зачѣмъ же вы такъ непочтительно говорите о нашемъ именованномъ перстосложеніи, выражающемъ имя Спасителя—*Иисусъ Христосъ*, и называете его «херословнымъ»?... Да и не ругаетесь ли вы этой острою надъ словомъ *Христосъ*, которое и у васъ начинается также, какъ и у насъ, буквою Х? Не будутъ ли херословными и ваши надписи на св. иконахъ ІС ХС? Берегитесь шутить такими предметами, шутка надъ которыми какъ разъ можетъ обратиться въ кощунство (стр. 152).

Впрочемъ, при несомнѣнныхъ достоинствахъ „Бесѣды о перстосложеніи для благословенія“ не чужды и нѣкоторыхъ пробѣловъ и даже немаловажныхъ. Такъ напр., говоря объ употребленіи въ Греціи и на Руси съ древнихъ временъ двухъ перстосложеній: одного для крестнаго знаменія, а другаго для благословенія, авторъ ограничился только указаніемъ на извѣстный случай изъ жизни всероссійскаго митрополита Фотія, родомъ грека, который, посѣтивши однажды Симоновъ монастырь и увидѣвши въ печарнѣ спавшаго инока Іону, державшаго „десную свою руку на главѣ своей согбену, яко благословляше ея“, выразилъ удивленіе и изрекъ пророчество, что этотъ инокъ будетъ великимъ святителемъ „въ странахъ русскія земли“, что впослѣдствіи и исполнилось (стр. 153); между тѣмъ въ подтвержденіе мысли о томъ, что у насъ въ XV и даже въ XVI вѣкѣ для благословенія считали необходимымъ употреблять перстосложеніе, отличное отъ перстосложенія для крестнаго знаменія, нынѣ указаны уже и другія данныя, и притомъ—въ тѣхъ самыхъ источникахъ, которыми авторъ „Бесѣды“ пользовался. Такъ

¹⁾ Очевидно, авторъ имѣеть въ виду сокращено написанное имя *Иисусъ*.

напр. въ вышеупомянутой статьѣ преосвящ. Макарія, архіепископа литовскаго: „правило Стоглава о двуперстїи съ исторической точки зрѣнія“ приведена выдержка изъ одного сборника библіотеки Кирилло-бѣлозерскаго монастыря (нынѣ нашей академіи), изъ которой видно, что въ концѣ XV вѣка, когда написанъ сборникъ, нѣкоторые у насъ прямо говорили, что „подобаетъ креститься тремя персты, а благословити двѣмя“¹⁾, т. е. очевидно настаивали на необходимой разности между перстосложеніемъ молитвеннымъ и благословляющимъ. Свидѣтельство о томъ же встрѣчается и въ одной слѣдованной псалтири, писанной въ первой половинѣ XVI вѣка²⁾.

Равнымъ образомъ, доказывая, что въ древности въ Греціи употреблялось тоже самое перстосложеніе для благословенія, какое употребляется и въ настоящее время, т. е. именованное, авторъ ограничился приведеніемъ одного свидѣтельства св. Германа, патріарха константинопольскаго (стр. 157—9), изъ котораго видно только, что въ Греціи въ VIII вѣкѣ благословляющее перстосложеніе было *сходно* съ перстосложеніемъ, и нынѣ употребляющимся въ православной церкви, по внѣшнему своему виду; между тѣмъ какъ есть прямое и ясное свидѣтельство о томъ, что еще въ то время, когда у насъ занималъ патріаршій престолъ особенно чтимый старообрядцами патріархъ Іосифъ, повелѣвавшій въ издаваемыхъ по его благословенію книгахъ во всемъ повиноваться восточнымъ патріархамъ³⁾, въ Греціи благословляли перстосложеніемъ именованнымъ и по внѣшнему виду и по внутреннему смыслу. Таково слѣдующее свидѣтельство Льва Алляція: „греки и латины при благословеніи начертываютъ крестъ пятью перстами, но различествуютъ въ томъ, что латины протягиваютъ при семъ всѣ персты, а греки—указательный, средній и малый протягиваютъ и нѣсколько нагибаютъ, впрочемъ не въ одинаковой мѣрѣ, но такъ, что указательный простертъ болѣе и

¹⁾ Братск. Слов. 1875 г. кн. 1, отд. II, стр. 51, примѣч. Здѣсь сказано, что «благословити двумя», вѣроятно потому, что и въ именованномъ перстосложеніи два перста—указательный и средній по преимуществу выдаются между другими.

²⁾ Прав. Собес. 1870 г. кн. 3, стр. 84, снес. стр. 44.

³⁾ Книга о вѣрѣ, изд. 1648 г. л. 231—2.

стоитъ прямо, средній, нагнутый болѣе указательнаго, наклоняется внутрь, малый направляется между большимъ и среднимъ, большій же налагаютъ на нготъ перстеннаго, склонивъ слегка послѣдній къ себѣ... Объяснено мнѣ было также наблюдателями подобныхъ тайнъ, что если посмотрѣть на согнутые и сложенные такимъ образомъ персты, то вполне признаемъ въ нихъ буквы, изображающія имя Иисуса Христа слѣдующимъ образомъ: ІС ХС¹⁾. Правда, свидѣтельство это принадлежитъ писателю неправославному; но, по нашему мнѣнію, потому-то оно и должно быть признано старообрядцами несомнѣнно вѣрнымъ, что высказано лицомъ, враждебнымъ православію. Ревнителю старины, конечно, знаютъ изъ помѣщеннаго въ чтимыхъ ими Четь-минеяхъ митрополита Макарія посланія Афанасію о трегубой аллилуіи, что „отъ врагъ свидѣтельство совершеннѣйшее бываетъ“²⁾. Другое прямое и ясное свидѣтельство объ употребленіи въ Греціи именованнаго перстосложенія для благословенія принадлежитъ Навплійскому протопопу Николаю Малаксѣ, жившему, по однимъ³⁾, въ XVI, а по другимъ⁴⁾ даже въ XV вѣкѣ; свидѣтельство это помѣщено въ изданной патр. Никономъ (въ 1656 г.) Скрыжали.

Наконецъ, при разборѣ замѣчанія старообрядца о томъ, будто бы Спаситель благословлялъ апостоловъ двуперстнымъ сложеніемъ (стр. 179—180), автору „Бесѣдъ“ слѣдовало бы, по нашему мнѣнію, воспользоваться тѣми замѣтками объ этомъ предметѣ, какія находятся въ статьѣ преосв. Никанора: „о перстосложеніи для крестнаго знаменія и благословенія въ обличеніе неправды мнимыхъ старообрядцевъ“⁵⁾ и которыя несомнѣнно подтверждаютъ справедливость

¹⁾ Прав. Собесѣдн. 1863 г. кн. 1, стр. 110. Сочиненіе Алляція, въ которомъ находится это свидѣтельство, издано въ 1648 году, т. е. въ то время, когда въ Москвѣ печаталась «Книга о вѣрѣ» съ ученіемъ о православіи Востока (л. 16, 18, 27—29, 163, 185 об., 226 и др.).

²⁾ Прав. Собес. 1866 г. ч. 2, стр. 161.

³⁾ Тамъ же, 1869 г. ч. 2, стр. 341.

⁴⁾ Истин. древн. Христов. церк. м. *Григорія*, ч. 2, стр. 136, изд. 1859 г.; Историч. обзор. пѣснопѣвц. стр. 353—4.

⁵⁾ Прав. Собес. 1869 г. ч. 2, стр. 193—201.

слѣдующихъ словъ Ростовскаго святителя Димитрія: „вѣмы напи-
сано въ евангеліи Лукиномъ, въ послѣднемъ зачалѣ, какъ Хри-
стосъ Господь, возносяся на небо, благословилъ святыхъ апосто-
ловъ: воздвигъ руцѣ свои, благослови ихъ; а о сложеніи перстовъ
тамо не пишется. Цѣлыми дланями, вѣми персты благослови ихъ.
Слагати же персты послѣжде вниде обычай въ вѣрныхъ, и есть
той обычай добръ, обаче не догмать вѣры“¹⁾).

И. Н.

¹⁾ Розыск. ч. 2, стр. 491, изд. 1847 г.